

Жан Баевич

Комедия в четырёх действиях

Действующие лица:

Ш а к и р ж а н — торговец, выходец из аула.

Са х и п ж а м а л — его жена.

М и н л е б а й — его отец.

М и н л е к а м а л — его мать.

А н в а р — его сын, лет десяти-одиннадцати.

Х а л и да — его дочь, лет девяти-десяти.

Ф е о д о с и я — его любовница.

З а к и р — слуга.

Слуги.

Г а л я в е т д и н а л ь-Ж а м а л и — молодой мулла безбожник.

П о р т н о й — русский.

Мамзель Мари.

М у з ы к а н т ы — русские.

М у л л а из аула.

У ч и т е л ь б о к с а.

Приказчики.

Д е в у ш к а-ш в е я.

Х а й м С о л о м о н о в и ч — торговец, еврей.

С у д е б н ы й п р и с т а в.

П о л и ц е й с к и е.

М а л ь ч и к из магазина.

Действие первое

Обыкновенный бревенчатый дом. Довольно просторный зал, который служит также столовой. Дверь справа выходят в сени. Там вешалка для верхней одежды. Слева дверь в спальню. Занавес поднимается. С а х и п ж а м а л посреди комнаты каталкой гладит на столе бельё. В углу А н в а р учит уроки. Х а л и д а играет в куклы. Время вечернее.

С а х и п ж а м а л. Улым, как только выучишь уроки, сбегай в угловой магазин за уксусом!

А н в а р. Сейчас, мама, я уже кончаю!

С а х и п ж а м а л. Заканчивай, сынок...

Х а л и д а (*подходит к матери с куклой*). Мама, сшей кукле платье.

С а х и п ж а м а л. Тебе самой пора научиться. (*Берёт куклу в руки и приглаживает ей волосы.*)

Х а л и д а. Мама, и калфак на головку.

С а х и п ж а м а л. Не сейчас, дочка, в другое время. Вот-вот отец усталый вернётся с работы, надо готовить еду.

Х а л и д а. А можно, я к Асме пойду играть?

С а х и п ж а м а л. Нет, дочка, поздно уже. Отец Асмы тоже вернётся с работы. В гости люди днём ходят.

Х а л и д а устраивается в сторонке и играет с куклой, что-то шепча ей.

А н в а р. Я сделал уроки. Не знаю только, запомнил ли. (*Обращается к матери.*) Проверь вот с этого места (*Показывает учебник.*)

С а х и п ж а м а л. Вы не даёте мне спокойно заниматься делом. То одна, то другой. Вот сколько неглаженого белья. Отец сейчас вернётся.

А н в а р. Мамочка, голубушка, проверь уж, пожалуйста! Вдруг завтра в школе не смогу ответить!..

С а х и п ж а м а л. Ладно уж, давай. Откуда? А-а, отсюда? Ну, скажи давай, сколько раз положено проделывать ракагат во время утреннего намаза?

А н в а р. Четыре раза: два раза — обычных и два — обязательных...

С а х и п ж а м а л. Ты читать умеешь, сынок?

А н в а р. Умею, мама, умею...

С а х и п ж а м а л. Ну, скажи тогда, в полдень сколько раз надо проделывать ракагат?

А н в а р. Десять.

С а х и п ж а м а л. Верно, десять. Сколько обычных и сколько обязательных?

А н в а р. Четыре обычных, потом четыре обязательных, а после ещё два обычных. Ну, а теперь во время намаза «ясту» — знаю или нет?

С а х и п ж а м а л. Ну и сколько раз во время «ясту»?

А н в а р. Девять. Четыре обязательных, два обычных и три особо обязательных. А ещё, мама, последи по книге, я буду стихи наизусть говорить.

Родной язык, святой язык

Отца-матери язык...

С а х и п ж а м а л (*поправляет в нескольких местах*). Ну что ж, сынок, знаешь очень хорошо. А теперь сходи за уксусом, отец твой пельмени без уксуса не ест. (*Анвар надевает бишмет и, взяв графин, уходит.*)

Х а л и д а. Мама, а джиен когда будет? Мы опять поехали бы на лошади с бубенцами!

С а х и п ж а м а л. Джиен, дочка, летом бывает. Пока что, видишь, зима, потом весна придёт, а уж там, глядишь, и лето настанет. Будет тебе джиен.

Х а л и д а. Мама, к джиену закажешь мне розовое платье?

С а х и п ж а м а л. Вот если вечером перед сном попросишь Аллаха, чтобы у отца дела шли хорошо, чтобы мама твоя была здорова, тогда закажу. (*В дверях звенит колокольчик.*) Вон, отец вернулся...

Х а л и д а (*выскакивает в прихожую*). Кто там? (*За дверью молчат*). Кто там?..

С а х и п ж а м а л. Наверное, газеты принесли.

Х а л и д а. Верно, мама (*вносит почту и начинает разбирать*).

С а х и п ж а м а л. Отцовские бумаги не трогай, дочка. Он этого не любит.

Х а л и д а (*разглядывая бумаги*). Ой, мама, смотри, какой маленький ребёночек! До чего хорошенький!

С а х и п ж а м а л. Это журнал брата, будь осторожна, не порви. Вот начнёшь учиться, тебе тоже выпишем.

А н в а р (*возвращается с уксусом*). Ты зачем журнал мой схватила? (*Вырывает из рук Халиды.*) Это мой! (*Халида плачет.*)

С а х и п ж а м а л. Ну нельзя же так обращаться с сестрёнкой. Иди ко мне, кызым! Смотрите вместе, вы же не маленькие, ведите себя хорошо. (*Кладёт журналы на стол. Дети разглядывают цветные картинки.*)

С а х и п ж а м а л (*забирает корзину с бельём идёт на кухню, говоря*). Скоро отец вернётся, уставший после работы.

Х а л и д а. Чур, тарелки понесу я!

А н в а р. Я тоже, я тоже! (*Убегают вслед за матерью.*)

Появляются снова — один с тарелками, другая — с ложками в руках, расставляют всё на столе и опять убегают. Слышен голос Халиды: «Мама, это я понесу! Я!» Дети живо накрывают на стол. Входит Ш а к и р ж а н. На нём шуба, отороченная мехом выдры, на ногах валенки, на голове круглая шапка на меху, подпоясан кушаком.

Д е т и. Папа пришёл! Папа! (*Встречают.*)

С а х и п ж а м а л. У тебя всё в порядке, старик?

Ш а к и р ж а н. Слава Аллаху, слава Аллаху! (*Раздевается.*)

Х а л и д а. Папа, папа! Шапку мне дай, мне!

Ш а к и р ж а н. Ладно, дочка, ладно. (*Отдаёт дочери шапку.*)

А н в а р (*развязывает отцовский кушак*). Папа, кушак твой я сам развяжу, сам...

Ш а к и р ж а н. Ладно, сынок, ладно.

С а х и п ж а м а л. Не приставайте к отцу, он устал.

Ш а к и р ж а н. Суп готов у тебя?

С а х и п ж а м а л. Сейчас, сейчас будет готово! Сегодня у нас твой любимый суп.

Х а л и д а. Мама пельмени сварила...

А н в а р. А я уксус купил.

Ш а к и р ж а н *(раздевшись, входит в зал)*. А вы как тут, в порядке?

С а х и п ж а м а л. Слава Аллаху! У нас всё хорошо.

Ш а к и р ж а н. Вымою-ка я руки. Жена, там яблоки я принёс, достань!

А н в а р. Папа, я кумган принесу...

Х а л и д а. Нет я, я, мама! *(Убегают на кухню.)*

С а х и п ж а м а л. Чу, не шумите, я сама подам ему. *(Выходит следом за детьми.)*

Ш а к и р ж а н. Уф, устал! Дома хорошо, душой как-то успокаиваешься.

Входят Анвар с кумганом. Халида с полотенцем.

А н в а р. Я сам полью тебе, папа...

Ш а к и р ж а н. Ладно, сынок, ладно. *(Принимается мыть руки. Халида держит полотенце.)*

Сахипжамал вносит дымящуюся кастрюлю с пельменями. Всё садятся за стол.

Ш а к и р ж а н. Бисмилла иррахман иррахим... *(Всё повторяют за ним.)*
Ну, жена, давай пельмени. *(Протягивает тарелку. Сахипжамал наполняет тарелки. Всё принимают за еду.)*

С а х и п ж а м а л. Ну как, пельмени не разварились? Вроде, передержала немного.

Ш а к и р ж а н. Пельмени что надо: не больше и не меньше положенного.
Добавь-ка мне уксусу маленько, жена...

Х а л и д а. И мне, мама!..

С а х и п ж а м а л. Тебе нельзя, дочка, будет кисло.

Ш а к и р ж а н. Почему нельзя? Он же из хлеба делается. Небось, это

от слепого Хайри? Какая же в нём опасность может быть? Положи, дочка, себе! Вот белый уксус, это — да, он страшен...

А н в а р. Чем он страшен, папа?

Ш а к и р ж а н. Он во рту всё обжигает, разъедает даже котёл.

Х а л и д а. Как это разъедает, папа?

С а х и п ж а м а л. Ну, вы всё замучили отца, есть ему не даёте! Как блины подгорают, так и казан подгорает. *(Едят.)*

Сахипжамал вносит блюдо с кусками мяса.

А н в а р. Папа, пришёл мой журнал. Смотри! *(Показывает.)*

Ш а к и р ж а н. Давай сперва поедим, сынок, а после посмотрим.

Х а л и д а. Мама закажет мне розовое платье, ладно, папа?..

Ш а к и р ж а н. Хорошо, дочка, очень хорошо!..

С а х и п ж а м а л. Как торговля, старик, удачно ли?

Ш а к и р ж а н. Слава Аллаху, спасибо ему за милость. А к вам кто приходил?

С а х и п ж а м а л. Гайша-абыстай была, сказала, что в аул собирается. Я послала с ней старикам гостинцев немного.

Ш а к и р ж а н. Надо было побольше. Ведь их молитвами живём. Пускай чаще молятся за нас...

С а х и п ж а м а л. Без тебя я уж не посмела дать денег.

Ш а к и р ж а н. Хорошее дело я всегда поддержу... *(Сахипжамал выносит десерт. Завершив обед.)* Давайте-ка помолимся. *(Всё воздевают руки. Шакиржан садится в сторонке. Сахипжамал наводит на столе порядок.)*

А н в а р *(приносит свой журнал)*. Вот, папа, смотри, какие рисунки!

Х а л и д а. Это мой.

А н в а р. Нет мой, ты даже читать не умеешь.

Х а л и д а. А вот и умею, умею! У меня есть красивые куклы. Правда,

папа? Папа любит меня. *(Влезает к отцу на колени.)*

А н в а р. Папа меня тоже любит!..

Ш а к и р ж а н. Да я обоих вас люблю, обоих. А моя газета пришла, сынок?

А н в а р. Пришла.

Х а л и д а. Пришла, папа, я сама принесу!

Дети оба бросаются за газетой. Шакиржан разворачивает её и углубляется в чтение. Сахипжамал садится с рукоделием. Дети играют. Через некоторое время:

С а х и п ж а м а л. Дети, вам пора спать.

А н в а р. Я лягу с папа.

Х а л и д а. А я не хочу спать!

Ш а к и р ж а н. Маму нельзя не слушаться.

С а х и п ж а м а л. Пойдёмте! *(Хочет увести детей.)*

Х а л и д а. Папа, разве ты не будешь творить намаз?

Ш а к и р ж а н. Буду, буду, а ты ложись пока. *(Продолжает читать.)*

С а х и п ж а м а л. Читайте на ночь молитву «Аятелькорси»!

Д е т и. Ладно, мама!

Х а л и д а. Папа, расскажи сказку...

С а х и п ж а м а л. Отец устал, не беспокойте его... Спите!

Х а л и д а. Папа, приходи к нам творить намаз. Папочка, голубчик, ну, пожалуйста!

Ш а к и р ж а н. Сейчас, сейчас. Жена, где мой молитвенный коврик? Эти не уснут ведь, пока не стану у них намаз творить... Вот, возьми. *(Даёт жене кошелёк.)* Посчитай покуда. И самовар поставь... Сейчас, дочка, сейчас! Торговля, слава Аллаху, — как бы не сглазить,— идёт недурно! В прошлом году купил было шубу за десять рублей, а нынче сбыл за тридцать пять...

Сахипжамал высыпает большую кучу денег на стол. Принимается считать.

С а х и п ж а м а л. Вот добра-то сколько! Будто с неба свалилось! Только бы не сглазить! Только бы не сглазить!

Шакиржан, уйдя во внутреннюю комнату, молится.

Занавес.

Действие второе

Через два года. Просторный зал. В углу голубые и зелёные стулья. В другом углу пианино. Над ним множество сабель и ружей, на зеркалах чучела птиц. В центре зала большой письменный стол. На стене сильно увеличенный портрет Шакиржана в золотой раме. С одной стороны портрет султана, с другой — урядника. На стенах множество разных часов — одни музыкальные, другие с сигналом, чтобы будить по утрам. На видном месте высокий стол с вращающимся креслом, в нём восседат Шакиржан во фраке, ярко-красном галстуке, зелёном жилете. На ногах у него белые туфли с жёлтыми гетрами. На столе множество разновеликих колокольчиков.

Ш а к и р ж а н. Беда мне с этими невежами! Ну ни одного культурного, приличного человека! *(Звонит в колокольчик. Появляется служанка.)*

С л у ж а н к а. Чего надо-то, абзы?

Ш а к и р ж а н *(стучит по столу)*. Какой я тебе абзы? Ишь, абзы! Дикая татарка! Привыкла как придётся трепать дурацким языком своим. Сколько раз говорил тебе: зови меня «гаспадин Жан Баевич»! И потом, вызывал я всё не тебя. Поди-ка сюда! *(Служанка подходит.)* Ну-ка говори, кого вызываю этим вот звонком?

С л у ж а н к а. Кого желаешь, того и вызываешь.

Ш а к и р ж а н. Не желаешь, а желаете, тупица ты нетёсаная. Культурный человек всё с определённой целью делает. Вот, гляди! *(Звонит один раз.)* Кучера вызываю, а этим — гаспажу. *(Звонит всеми тремя колокольчиками.)* Говори, кого я сейчас вызвал?

С л у ж а н к а. Закира-абзы.

Ш а к и р ж а н. Говорил же, не Закир он, а Захар. Да что же ты за бестолковщина такая! *(Служанка уходит.)* Стой! Что ты должна делать перед уходом?

С л у ж а н к а. А! Знаю. *(Пытается сделать реверанс и не умеет.)*

Ш а к и р ж а н. Да не так! Вот, смотри! *(Показывает сам. Получается смешно... Служанка уходит.)* Одни дураки кругом, ну как с такими жить! Уччу, учу, да всё не впрок!..

Снова звонит. Входит З а к и р. На нём прилегающий камзол, черный фартук, голубая феска с кистью.

З а к и р. Чего звал-то, абзы?

Ш а к и р ж а н. Сперва говорить научись, а после ко мне заходи! Сколько раз твердил тебе: обращайся «гаспадин Жан Баевич!» Подойди!

З а к и р. Я, абзы, тута постою.

Ш а к и р ж а н. «Тута, тута!» Нельзя же так выражаться. Только неучи так говорят. Культурным быть надо! Брякнешь такое при боярах, так ведь в краску меня вгонишь!

З а к и р. Так уж нас с детства приучили. Вызывал-то чего, абзы?

Ш а к и р ж а н. Ну вот опять! Не абзы я, а Жан Баевич!

З а к и р. Ладно, пусть так. Я самовар чистил. Звал-то чего?

Ш а к и р ж а н. На вот, надень. *(Закир берёт узел, развязывает, а там лакейская одежда с позументами.)*

З а к и р *(глядит на одежду)*. Это же, абзы, русская одёжа. Аллах да убережёт от такого позора!

Ш а к и р ж а н. Ну и чурбан же ты! Собственной выгоды не понимаешь. Хочу человека из тебя сделать, а ты всё в татарское своё болото рвёшься. Надевай давай!

Закир нехотя влезает в ливрею. Чёрный фартук, голубая феска с кистью и одежда с позументами — всё вместе выглядит комично. Закир громко хохочет, глядя на себя в зеркало.

Ш а к и р ж а н. Теперь всёгда в этом ходить будешь, встречать гостей, провожать. *(Звонит в колокольчик.)* А как позвоню, ко мне явишься!

З а к и р *(бормочет себе под нос)*. Нет, чтобы по-людски казаки сшить!

Ш а к и р ж а н. Иди! Ко мне будешь обращаться: «Жан Баевич». А я тебя Захаром звать стану.

Закир *(чесет затылок)*. Зачем же так-то, абзы? Закиром звать не хочешь? Меня этим именем мулла нарёк! И тебя — Шакиржаном... Позволь уж тебя «абзы» звать, а?!

Ш а к и р ж а н. Ступай, ступай! Ничего ты не соображаешь. Культуры в тебе ии на грош! *(Встаёт и начинает ходить по просторному залу, неуклюже натыкаясь на мебель.)*

З а к и р *(входит)*. Абзы, русский какой-то пришёл. Противной такой, лопочет чего-то, Шакиржана Минлебаевича спрашивает.

Ш а к и р ж а н. Скажи: «Жан Баевич».

З а к и р. Да не я, он так говорит.

Ш а к и р ж а н. Пусть войдёт. *(Сам садится на своё высокое место.)*

П о р т н о й *(входит)*. Здравствуйте, Шакиржан Минлебаевич!

Ш а к и р ж а н *(себе под нос)*. И этот тоже приличий не знает.

(Громко.) Жан Баевич я!

П о р т н о й. А-а, Жан Баевич, Шакиржан Минлебаевич! Вот, принёс одежду, что вы для детей ваших заказывали. Вещи первый сорт!

Шакиржан звонит в колокольчик.

С л у ж а н к а *(входит)*. Чего надо, абзы?

Ш а к и р ж а н. Опять «абзы»! Ну, ты дождёшься у меня! Не тебя я звал, а гаспажу.

С л у ж а н к а. Абыстай тесто для пельменей готовит.

Ш а к и р ж а н. После приготовит. (*Служанка поворачивается, чтобы уйти.*) Что делать положено перед уходом?

С л у ж а н к а. Ай, забыла я, абзы. (*Делает реверанс.*)

Ш а к и р ж а н (*портному*). Ну, как жить с такими вот тёмными? До чего же необразованы наши татары!

П о р т н о й. Да, да, Шакиржан Минлебаевич!

Ш а к и р ж а н (*морщится*). Жан Баевич!

П о р т н о й. Да, да, Жан Баевич, Шакиржан Минлебаевич!..

С а х и п ж а м а л (*входит, руки в тесте*). Что, старик? Я салму затеяла сегодня, тесто готовила.

Ш а к и р ж а н. Как ты сказала?

С а х и п ж а м а л. Старик, говорю. Звал зачем, спрашиваю.

Ш а к и р ж а н. Старик... Старик! Ты, гаспажа, сдурела, что ли?.. Старик?! Как уж твоё культурное-то имя? Ах да, Суфичка, гаспажа Суфичка! Вот, портной принёс одежду для дорогих наших детей.

С а х и п ж а м а л (*растерянно*). Ты, старый, спятил никак?! Может, лечить тебя надо? Семь раз «ясин» прочитать? Какая я тебе «Суфичка»?!

Ш а к и р ж а н. Невежда, бескультурная женщина.

Портной показывает Сахипжамал детские вещи.

С а х и п ж а м а л. Абау! Да почему же такая некрасивая одёжка, старик? Как у клоуна из кукольного представления!

Ш а к и р ж а н. Темнота...

П о р т н о й. Эти вещи первый сорт.

Шакиржан звонит сразу в два колокольчика. Из одной двери появляется З а к и р, из другой — с л у ж а н к а.

О б а (*в два голоса*). Чего надо, абзы? (*Сахипжамал смотрит с удивлением.*)

Ш а к и р ж а н (*бьёт кулаком по столу*). Не абзы я, а Жан Баевич!

З а к и р. Да, да, понял, гаспадин Шакиржан абзы!..

С л у ж а н к а. Гаспажа... Жан абзы.

Ш а к и р ж а н. Бесстыжие, тупые! Гаспадин Жан Баевич!

С а х и п ж а м а л. Зачем это им? Пусть говорят человеческим языком.

Нельзя разве?

Ш а к и р ж а н. Как уж тебя... Захар!

С а х и п ж а м а л. Астагъфирулла! Да разве ж можно человеческое имя на русский лад коверкать? Чур меня! Тауба, Тьфу, тьфу!..

Ш а к и р ж а н. Дикари необразованные. Захар... приведи-ка сюда мирзу Мухаммед-Анваретдина!..

З а к и р. Тут, что ли, ждать будешь?

Ш а к и р ж а н. Не «тут», а здесь.

З а к и р (*чешет затылок*). «Здесь» говоришь, ладно воля твоя. Ты что же, его тоже в уруса переделать хочешь?..

С а х и п ж а м а л. Да унесёт ветер слова твои!

З а к и р. Сохрани нас Аллах, тьфу, тьфу!..

Ш а к и р ж а н (*служанке*). Постой-ка. (*Смотрит в бумагу.*) Да, вот Фрулаин Халиду доставь сюда с почтением и уважением.

С л у ж а н к а. Не поняла, что мне с ней сделать? Говори по-нашему, абзы. Валлахи, она в куклы спокойно играет. Почему обзываешь дочку.

Какая она фарилае?

Ш а к и р ж а н. Ничтожество! Темнота! (*Вскакивает и принимается бегать по комнате.*)

С а х и п ж а м а л (*подходит к мужу*). Не узнаю тебя, старик. Шайтаны тебя подменили, что ли? Не позвать ли нам хазрата, чтобы Коран почитал?

Д е т и (*входят перепуганные*). Что случилось, аапа? Что с ним, мама?

Ш а к и р ж а н. Это что же за слова такие — «мама», «мапа»?! «Маман» надо говорить! «Маман!», понятно вам?!

Д е т и (*обнимают мать*). Не надо, папа, дорогой, хочу говорить «мама»... Не надо, папа, родненький... Не надо...

Ш а к и р ж а н. Вот и учи их культурным манерам! (*Портному.*) Давай одежду! (*Дети льнут к матери.*)

П о р т н о й. Вещи первый сорт. Вот это барышне (*какоего-то неопределённого цвета платье с бесчисленными крылышками прикладывает к девочке.*)

С л у ж а н к а. Перемяч! Да это же пугало огородное! (*Громко хохочет. Халида плачет. Включаются музыкальные часы с кукушкой.*)

Ш а к и р ж а н (*садится на диван*). Знаете, что означает этот сигнал? Он говорит: пора уважаемому гаспадину Жан Баевичу думать свои большие, глубокие, очень важные думы... В голове в меня не какие-нибудь там пустяковые, как у вас, мысли вроде: замесить тесто или поставить самовар, а размышления о течении жизни, об образованности всего мира. (*Часы прокричали снова.*) А это уж совсём другой сигнал! Он предупреждает гаспадина Жан Баевича: приготовься, раскинь мозгами!

П о р т н о й. Расчёт, господин Шакиржан Минлебаевич...

Ш а к и р ж а н. После, после! Я занят теперь большими делами.

Всё с удивлением глядят. Тем временем третьи часы заиграли мелодию «Во саду ли, в огороде».

Ш а к и р ж а н. Вон! Всё пошли вон отсюда! Пришло время погрузиться гаспадину Жан Баевичу в раздумья!

Портной выходит, слуги, ухмыляясь, выходят тоже. Шакиржан сидит, обхватив голову руками.

С а х и п ж а м а л (*подходит к мужу*). Что с тобой, джаным, русскую заразу подцепил ты, что ли? Мы так хорошо жили с тобой. Никак сглазили

тебя? Или вражина какой порчу навёл? (*Шакиржан машет рукой: уходи. Сахипжамал обнимает мужа.*)

Ш а к и р ж а н (*встаёт и с силой отталкивает жену*). Я говорил тебе, что занят, что мешаешь думать глубокие мои думы. А ты лезешь с дурацкими своими уговорами. Ты когда же образованной-то станешь? Нам теперь ни к чему эти дикие татарские выходки. Я теперь собственный дом на улице Горчичный имею, я теперь Жан Баевич. И вас, неучей, в образованных обращаю!..

С а х и п ж а м а л. Да что же это за напасть такая! (*Плачет.*) Чьи же это слёзы отливаются нам?!

Ш а к и р ж а н (*подходит*). Тебе, матушка, постараться надобно да образованной стать!

С а х и п ж а м а л. Какая я тебе матушка? Я покуда, слава Всёвышнему, Сахипжамал. Сам ты матушка!..

Ш а к и р ж а н. Я обращаюсь к тебе как человек образованный!

С а х и п ж а м а л. Не обращай ко мне так!

Часы начинают отбивать барабанную дробь.

Ш а к и р ж а н (*слушает*). А это знаешь, что за сигнал? Часы говорят: гаспадин Жан Баевич, время для размышлений прошло. Это значит, что в его большой голове глубокие, важные, великие мысли продуманы. Сегодня из-за тебя гаспадин Жан Баевич не смог сосредоточиться, чтобы решить важные проблемы жизни. Что же будет с миром? Жалко бедных, несчастных детей человеческих!..

З а к и р (*входит*). Абзы! Пришли два уруса, с ними маржа с собакой...

Ш а к и р ж а н. А-а, это музыканты. Зовите детей!

Входят двое м у ж ч и н и ж е н щ и н а. На ней откровенно прозрачная одежда.

П о с е т и т е л и. Здравствуйте, Жан Баевич!

Ш а к и р ж а н. Аллах да поможет нам. *(К жене.)* Гляди, вот как образованные-то выглядят!

Один из пришедших вынимает скрипку, другой — гармонь. Женщина садится за пианино Входят д е т и.

Ш а к и р ж а н. Начинается музыка. Слушайте её очень внимательно. Она делает наши чувства тоньше. Пробуждает глубокие чувства. Слушайте, сложив руки вот так *(показывает. Садится на стол и взмахивает короткой палочкой. Музыканты играют «Камаринскую». Шакиржан, довольный, качает в такт головой.)* Я погрузился в глубокие чувства. В голове у меня приятные думы.

Музыканты перешли на другую уличную русскую мелодию.

О д и н р у с с к и й. Господин Жан Баевич, у мамзель Мари в горле пересохло. Нет ли чего выпить?

Ш а к и р ж а н *(звонит. Входит Закир)*. Захар! Принеси гаспадам на подносе коньяк. И чего-нибудь перекусить.

Закир возвращается с подносом. Возле выпивки кусочки чак-чака.

Р у с с к и е. Большое спасибо, за ваше здоровье! *(Пьют.)*

Ш а к и р ж а н *(жене)*. Видишь, какие они, образованные! Захар, принеси и нам с гаспажой по рюмке...

С а х и п ж а м а л. Да, ну тебя! Ещё чего выдумал? Аллах да убережёт меня от греха такого!

Закир приносит две рюмки.

Р у с с к и й (*наливает хозяевам*). За здоровье госпожи!

Ш а к и р ж а н (*выпивает. Морщится, выплёвывает горечь в платок. Обращается к жене*). Пей, говорю! Если уважаешь, не позорь меня перед образованными!

С а х и п ж а м а л (*подносит рюмку к губам*). Аллах да сохранит! Да ведь горечь эта обжигает, как огонь! (*Плюёт в горшок с цветком. Русские снова выпивают.*)

Ш а к и р ж а н. Теперь сыграйте ещё какую-нибудь глубокую мелодию! (*Те играют новую уличную песню.*)

Р у с с к и й. Если господин Жан Баевич пожелает, мамзель споёт песню, которую выучила в Париже. Но за это придётся заплатить особо...

Шакиржан кивает. Гармонист играет, женщина визгливо поёт. Шакиржан, довольный, хлопает ей в ладоши. Другим тоже велит хлопать. Музыканты собираются уходить.

Ш а к и р ж а н. Дорогих детей наших тоже надо научить такой музыке. Дети бояр обучены. Знание музыки — это великая культура!

С а х и п ж а м а л. Да уж куда нам без этого! Ты, видно, хочешь, чтобы дети наши с гармошкой по улицам ходили?..

Ш а к и р ж а н. Да что ты понимаешь, темнота!

О д и н р у с с к и й. Это верно, детей надо учить музыке, очень даже надо! Как заиграешь, развернёшь гармошку — душа радуется. И потом музыка повсюду ценится! Свадьба ли, день ли рождения — без неё никак, а в ресторане, трактире — нет ничего желанней... (*Показывает на свою гармонию.*) В каких только домах не побывал я, благодаря ей, родимой, каких почестей не удостоился!..

Ж е н щ и н а. И в Париже музыка в большой чести...

Д р у г о й р у с с к и й (*свёртывая цыгарку*). А уж почётней, сладостней скрипки нет на свете ничего. С ней даже в царские дворцы пропускают. Без неё нет в жизни радости и наслаждения!..

Ш а к и р ж а н (*жене*). Слышала, что образованные люди говорят? С завтрашнего дня милые наши детки начнут учиться. Кто из вас возьмётся обучать их?

Р у с с к и е (*с большой готовностью*). Я! Я! Я!

С а х и п ж а м а л. Да что ты говоришь! Совсём спятил что ли? Так и позволила я тебе выставить моих детей на посмешище!.. Сам можешь сходить с ума, сколько хочешь, но детей не трогай! (*Дети жмутся к матери. Сахипжамал идёт к выходу. Потом останавливается, чтобы послушать мужа.*)

Ш а к и р ж а н. Вы, гаспажа, забываетесь. В присутствии столь образованных людей не подобает говорить такие грубые татарские слова...

Р у с с к и е. Да, да, Жан Баевич!

О д и н. Мамзель Мари поражена таким поведением...

М а р и я. Я жила в Париже. Терпеть не могу грубые выходки.

Ш а к и р ж а н. Вы, гаспажа... уж извини, она же неграмотная, не сторонница прогресса, Это же татарка!..

Г а р м о н и с т. Очень жаль, что вы, Жан Баевич, такой образованный, умный, учёный, красивый, (*с каждым словом Шакиржан всё выше задирает нос*) богатый, счастливый, великий человек, живёте с такой женой. Напрасно теряете с ней время...

Ш а к и р ж а н (*вскакивает*). Верно, верно! Жаль, очень жаль... Мне не следует тратить жизнь на такое ничтожество, которое не понимает прогресса... (*Глядя на Сахипжамал.*) Из-за тебя я потерял большую часть жизни. Не понимаешь ты ничего! Утром салма, днем салма, вечером салма — никакого порядка в еде, одеваешься бестолково и говорить не умеешь —одни неприятности с тобой. Темнота, музыки не знаешь, Парижа не видела... Нет, больше не стану губить с тобой жизнь свою! Это неблагодарность Аллаху, который дал мне такую большую голову (*тычет пальцем себя в голову*), столь великий ум. Эта вот голова — что надо! Она работает... А твоя голова — пустышка, набитая мякиной...

С а х и п ж а м а л. Не болтал бы ты глупости при детях! Несёшь несусветицу какую-то!

Ш а к и р ж а н. Ладно, прощай гаспажа! Нужна будешь, позову тебя. Позвоню вот так — и войдёшь. Иди, занимайся своими мелочными делишками — меси тесто. У меня в голове дела поважней.

С а х и п ж а м а л (*приближается к мужу*). Что ты творишь, старый? Или уж и впрямь рехнулся!..

Ш а к и р ж а н (*выпрямившись во весь рост*). Ступай, гаспажа, ступай, мне больше не о чём говорить с вами! Я не понимаю хамского языка. Ты не умеешь говорить по-культурному...

С а х и п ж а м а л (*некоторое время стоит в растерянности*). Ай, Аллах! Этот никак всё же уж с катушек соскочил. (*Плачет и, забрав детей, уходит. Прислуга уходит также.*)

Г а р м о н и с т (*опрокинув ещё рюмку*). Вам, господин Жан Баевич, жить такой жизнью нельзя — пропадёте! Пропадёт талант ваш!.. Я, Жан Баевич, найду вам достойную графиню или княгиню! Такую же высокообразованную, как мамзель Мари!..

С к р и п а ч. А я такую найду, что на скрипке играть будет — только держись!.. И себя подать сумеет, и смеяться к месту, и петь, когда надо! На днях офицеры в кабинете — и не просто офицеры, а гвардейцы! — были в восторге от неё и нахваливали: «Ай да Машура! Ну, Машурка!» а сами, как замороженные, глаз с неё не сводят... Такую вы, господин Жан Баевич, днём с огнём не сыщете!

Ш а к и р ж а н (*пожимает всём руки*). Спасибо вам!

Р у с с к и е. Мы всегда готовы служить вам, Жан Баевич!

Г а р м о н и с т (*отводит Шакиржана в сторону*). А как мамзель Мари, нравится вам? Она очень образованная. Сколько офицеров сваталось к ней, но она сочла их недостойными себя...

Ш а к и р ж а н (*подумав немного*). Уж больно тоща — как говорится, ни молока, ни мяса.

Г а р м о н и с т. Ну, ладно, ладно, найдём другую. Будет как ягодка. М-мм... Вот только, вы же знаете, Жан Баевич, образованные за женатых замуж не выходят. Это ведь только татары по две жены имеют...

Ш а к и р ж а н. Да, верно, верно. Я её, неблагородную, брошу. Да я сейчас же разведусь с ней! *(Бежит к столу, звонит.)*

Г а р м о н и с т. Так мы пойдем, Жан Баевич. Вы обещали заплатить мамзель за пение.

Ш а к и р ж а н. Ладно, ладно *(Входит Закир.)* Поезжай с кучером к молодому мулле, скажи: господин Жан Баевич, мол, разводится с гаспажой Суфичкой, просит прийти, чтобы написать бракоразводное письмо. Быстро поворачивайся!..

З а к и р. Пусть кучер за водой едет, я пока кумганы чищу, в другое время, абзы, съезжу...

Ш а к и р ж а н. Гаспадин Жан Баевич знает, что говорит! Не смей перечить, делай, что говорю.

З а к и р *(стоит, озабоченно чешет затылок)*. Да как же мне не делать-то, пойду! *(Выходит. Шакиржан достаёт из кошелька деньги, даёт русским.)*

Р у с с к и е *(хором)*. Спасибо, господин Жан Баевич, спасибо!

Г а р м о н и с т. Господин Жан Баевич, я собираюсь навестить графиню, узнать, как она посмотрит. По пути и княгиню увидаю. Если дома окажется, наведаюсь и к баронессе. Сами понимаете, к таким людям пешком никак нельзя. Так что расходы будут. Если дело мне поручаете, пожалуйста деньжат немного.

Шакиржан похлопывает гармониста по плечу и достаёт из кошелька сторублёвки. Получив пять сотен, тот продолжает стоять с протянутой рукой.

Ш а к и р ж а н. Всё ещё мало?

Г а р м о н и с т. Для визита к графиню хватит, но ведь я ещё и к княгине собираюсь, и к баронессе.

Ш а к и р ж а н *(даёт ещё)*. Ладно, ладно, всех навести!

Русские прощаются.

Ш а к и р ж а н. Постоите, задержитесь ещё на минутку. (*Идёт к столу, садится в высокое своё кресло.*) Приготовьтесь играть исторический марш! Ведь гаспадин Жан Баевич начинает новую, прогрессивную, образованную жизнь...

Русские снова готовятся играть. Шакиржан гремит всеми своими колокольцами разом. Входят З а к и р, с л у ж а н к а, С а х и п ж а м а л, за ней д е т и, к у ч е р, с т а р а я ж е н щ и н а.

В с е. Что случилось? В чём дело?

Ш а к и р ж а н (*делает рукой знак: молчите. Выждав некоторое время*). Мы, гаспадин Жан Баевич, позвали всех вас, потому что желаем объявить нашу волю.

С а х и п ж а м а л. Ну, чего ты чудишь, старый?

Ш а к и р ж а н (*сердито*). Прошу не мешать мне, гаспажа!.. Мы, Жан Баевич, с давних пор, от самого Маая, благородных ханских кровей!.. Не мужланы какие-нибудь неотесанные, а есть культурные сторонники прогресса и не можем пропадать среди грубых, тёмных людей. Благородная душа наша задыхается, а потому мы, гаспадин Жан Баевич, после глубоких размышлений поняли, что существовать с вами, гаспажа Суфичка, больше не можем, а потому говорим вам: «Талак¹»! Жалуем вам наш дом на Сенном базаре. Бултыхайтесь там на здоровье со своими татарами! Мы же, гаспадин Жан Баевич, намерены построить культурную и настоящую, самую прогрессивную жизнь...

Р у с с к и е. Bravo, bravo!

Ш а к и р ж а н (*улыбается им и кивает дружески*). Любезных детей наших не согласны оставлять на руках такой невежественной, нетёсаной

---

¹ Т а л а к — расторжение брака с женой.

персоны, как вы, желаем дать им благородное воспитание. Мы, гаспадин Жан Баевич, хотим, чтобы они стали настоящими людьми, такими же передовыми и образованными, как мамзель Мари, и были обучены музыке!..

С а х и п ж а м а л. Этот, никак, окончательно уж спятил! (*Плачет. Сквозь слёзы.*) Не дам я тебе детей, сам сколь угодно можешь валять дурака! А детей не позволю выставлять на позорище! (*Дети обнимают мать, плачут.*)

Ш а к и р ж а н. Давай, забирай детей своих, таких же неблагородных, как ты сама... Мы сотворим новое, достойное, благородное потомство.

Р у с с к и е (*аплодируют*). Bravo, bravo!.. (*Сахипжамал плачет, обнимая детей, прислуга тоже плачет.*)

Ш а к и р ж а н (*указывая на жену и детей*). Захар, проводи этих.

З а к и р. Никакой! Я не Захар. Закир я, этим именем меня мулла нарёк. Я тоже ухожу! Сам ты Захар!..

Ш а к и р ж а н (*смеётся*). Гаспадин Жан Баевич входит в новую культурную, прогрессивную жизнь! Музыка!

Музыканты играют марш. Сахипжамал, дети плачут навзрыд. Шакиржан кривляется, размахивает руками, будто пляшет.

Занавес.

Действие третье

Всё та же большая комната. Слуги, одетые в разнообразные костюмы, готовят стол к завтраку.

С л у г а. Надо же, как легко Феодосия барыней-то заделалась! Помогает же Бог некоторым. Барыня, да ещё какая! Графиня из Парижа! Сказал бы я, что это за графиня такая... Да уж ладно, нам слугам, положено не видеть даже того, что само в глаза прёт. Мне-то что? Пусть себе сходят с ума, коль охота. Вот только барина жалко, уж очень он, бедняга, доверчив полный простофиля... Ну что же, как говорится, охота пуще неволи. Если уж

приспичит кому, так ведь и змею сожрёт, не подавится! (*Из соседней комнаты доносится звонок. Слуга идёт на звонок.*) Чего прикажите, господин Жан Баевич?

Ш а к и р ж а н (*просунув в дверь голову, вполголоса*). Графиня из комнаты своей ещё не выходили?

С л у г а. Нет пока, встают.

Ш а к и р ж а н (*всё так же тихонько*). Если они появятся, скажи мне...

С л у г а. Ладно, ладно. (*Продолжает заниматься своим делом.*)

Ш а к и р ж а н (*появляется. На нём халат, на ногах туфли.*) Уже одиннадцать. Странно, что графини нет всё ещё!

С л у г а. Они с княгиней вчера из оперы очень поздно вернулись.

Ш а к и р ж а н. Вон оно что. (*Идёт к столу.*) Я есть хочу. Хорошо бы перемячей поест с чаем. (*Глокает слюну.*) Перемячи, понятно, — еда неблагородная, но... (*Слуге.*) Нет ли у тебя там готового самовара? Я бы до пробуждения графини выпил парочку чашек...

С л у г а. Нет, господин Жан Баевич! Графиня не разрешает ставить самовар. Говорит, с утра полагается «только закуска».

Ш а к и р ж а н. Да, да, верно, чаепитие — дело неблагородное. (*Останавливается.*) А ведь как приятно, когда самовар кипит, поёт, а там, на сковороде жарятся, весело шипя и прыгая в масле, перемячи! (*Причмокивает губами.*) Но нет, это же неприлично!

Слышен звонок из другой комнаты.

Ш а к и р ж а н. (*громко*). Доброе утро, графиня!

Ф е о д о с и я (*из комнаты*). Так это ты, князь? Сколько раз говорила тебе, что к завтраку я должна выходить первой, а уж после появляешься ты и целуешь мне руку. А ты всё ещё, как тёмный татарин, вскакиваешь ни свет, ни заря.

Ш а к и р ж а н. Не так уж и рано, графиня, одиннадцать пробило.

Ф е о д о с и я. Где ты видал графиню, которая встаёт в одиннадцать?
Только простой мурза в одиннадцать встаёт. Графья, князя поднимаются в час и в половине второго... Иди-ка, ложись. Ещё очень рано.

Ш а к и р ж а н. Я есть хочу, графиня! И дело у меня есть. Собирался на базар сходить...

Ф е о д о с и я. Я ещё туалетом не занималась. Иди пока к себе. Я позову.

Шакиржан, шлёпая губами, глотая слюну, удаляется.

С л у г а. Ишь, пляшет, как медведь дрессированный!..

Из комнаты в пёстром аляповатом капоте появляется Ф е о д о с и я, полная русская женщина, любовница Шакиржана.

С л у г а. Доброе утро, графиня!

Ф е о д о с и я (*не говоря ни слова, идёт к столу, наливает себе вина, пьёт, наливает снова и ещё раз... Потом, облизывая губы, садится. Слуге.*)
Зови князя!..

Ш а к и р ж а н (*появляется, изображая приветливую улыбку*). Доброго тебе утра, графиня! (*Феодосия протягивает для поцелуя руку. Он целует и замирает на месте.*)

Ф е о д о с и я. Ты слишком рано встаёшь и не даёшь мне одеться. Это у мещан так заведено, а мы с тобой люди благородные: я графиня, ты князь!..

Ш а к и р ж а н. Простите, графиня! (*Феодосия жестом приказывает ему садиться. Слуге молча велит работать. Тот разливает по рюмкам вино.*)
Я есть хочу. Нет ли чего поесть. Пить это на голодный желудок плохо...

Ф е о д о с и я (*смеётся*). Тебе, как простому мужику, лишь бы пузо набить.

С л у г а. Еда есть. (*Приносит маленькие бутерброды с кусочком рыбы.*)

Ш а к и р ж а н. Нет, не это. Надо что-нибудь посытнее: балиши или сумсу, например.

Ф е о д о с и я (*опрокидывает в рот вино*). Стыдно быть таким простоватым.

Ш а к и р ж а н. Да, да. (*Выпивает вино и морщится. Кладёт в рот кусочек рыбы и снова строит гримасу. Слуга наполняет рюмку.*) А что, нет ли чаю или кофе?

Ф е о д о с и я (*смеётся*). Ты где видел графьёв и князей, которые раньше часа пьют кофе?..

Ш а к и р ж а н. Да, это я так, так. (*Про себя.*) А есть-то всё же хочется, нелегко быть культурным!.. (*Феодосия снова пьёт.*) А вчера где вы были, графиня?

Ф е о д о с и я. Ходили в оперу, да припозднились. Ждём, ждём, а последний занавес никак не опускается. Уж и ждать устали. Встретили графа Иванова, он и говорит: «Знаете, графиня, у нас после спектакля принято устраивать ужин. Без этого нельзя». «Правильно, граф», — отвечаю. — Вот и пошли, поели балык.

Ш а к и р ж а н. В три часа я смотрел, вас ещё не было.

Ф е о д о с и я (*смеётся*). Какой граф, какой князь в три часа, как корова, спать заваливается? Мы привыкли ложиться в четыре...

Ш а к и р ж а н. Понятно, образованность-то она сразу видна! (*Отодвигает полную рюмку, обращается к слуге.*) Принеси-ка мне стакан молока и кусок ржаного хлеба!..

Ф е о д о с и я. Что с тобой, князь? Как это «молока с хлебом»? Ты что, бедный студент?

Ш а к и р ж а н. Нет, мне духтыр велел в одиннадцать с половиной каждый день пить стакан молока с куском ржаного хлеба. (*Слуга стоит в растерянности.*) Иди, иди, неси!

Ф е о д о с и я. Доктор твой — невежда, небось...

Ш а к и р ж а н. Нам, людям образованным, врачей не слушаться никак нельзя.

Слуга приносит молоко с хлебом.

Ш а к и р ж а н (*набив рот, быстро съедает и слуге*). Неси ещё...

Ф е о д о с и я. Да что же это такое, князь?

Ш а к и р ж а н. Доктор велел, с ним не поспоришь. (*Слуга снова приносит молоко с хлебом. Шакиржан мигом съедает.*) Ещё неси...

Входит г а р м о н и с т.

Г а р м о н и с т. Доброе утро, князь, доброе утро графиня.

Ш а к и р ж а н. Добрый утро, добрый утро!

Ф е о д о с и я. Что-то вы редко стали появляться!

Г а р м о н и с т. Да как же, весь вчерашний вечер вместе проводили... (*Женщина делает ему знаки.*) Да, верно, работы много было... (*Идёт к Шакиржану.*) Видите, господин Жан Баевич? (*Показывает книгу в роскошном переплёте.*) Это к трехсотлетнему юбилею Дома Романовых выпустили. Видите, написано: «В память царствования Его Императорского Величества Николая Второго».

Ш а к и р ж а н. Так это царская книга?..

Г а р м о н и с т. Да! (*Открывает книгу.*) Вот смотрите, господин Жан Баевич, кто это? Сапожников Николай Митрофаныч! Узнаёте?

Ш а к и р ж а н. Узнаю, узнаю. А этот Янгаличев же! Он-то как угодил в книгу с царями?..

Ф е о д о с и я. Покажи мне тоже. У тебя, князь, ни одной фотографии в книгах нет.

Г а р м о н и с т. Сапожников друг мне. Мы с ним были вот так... (*Показывает, приложив два пальца рядом.*) Это я настоял, чтобы его включили. Сказал голове, а тот отвечает: «Нет». Тогда я — к губернатору, а он — к полицеймейстеру, к архиерею, я — к министру... Включили-таки.

Ф е о д о с и я. Вот и князя надо было. Стыдно же, нигде нет его имени. Нет портрета. Мне, графине, стыдно! Вот, видишь, с утра молоко с хлебом ест!..

Ш а к и р ж а н. Нет, нет, всё! (*Слуге.*) С какой это стПапа ты приносишь мне молоко с хлебом? Где это видел ты графов и князей, которые с утра пьют молоко?..

С л у г а. Виноват, господин Жан Баевич!

Ф е о д о с и я (*гармонисту*). Надо было включить.

Г а р м о н и с т. Я бы включил, да врагов много. Возражают. И голова, и пристав говорят: «Какой он князь? Простой государственный крестьянин».

Ф е о д о с и я. Подмазать надо.

Ш а к и р ж а н. Да , да, подмазать надо. (*Вынимает кошелёк, выкладывает несколько сотенных.*)

Г а р м о н и с т. Для чего это?

Ф е о д о с и я. Это швейцару и лакею на чай!

Ш а к и р ж а н. Ну да, служителям на чай.

Г а р м о н и с т. А как же голове, полицеймейстеру, церемонимейстеру?

Ф е о д о с и я. Дадим, всё дадим! Скоро.

Г а р м о н и с т. Знаю, графиня, понимаю, за вами не пропадёт. Но ведь это надо делать с глазу на глаз. Обещания в таком деле не значат ничего. Всё шито-крыто...

Ф е о д о с и я. Давай, князь! Давай! Десяти тысяч довольно будет?

Г а р м о н и с т. Трудно сказать. Но постараться надо...

Ф е о д о с и я. Чему ты удивляешься? Или ты думаешь, что такое большое дело можно бесплатно повернуть?

Г а р м о н и с т. А Сапожников даже церковь за семьдесят тысяч построил. И то сказать, едва-едва хватило. Когда бы не я, ничего не было бы. (*Шакиржан выложил из кошелька несколько тысячных.*) Нет, этого мало. Пойду к полицеймейстеру, церемонимейстеру — не хватит. А голова — этот уж сам по себе!..

Ф е о д о с и я. Ну, чего ты торгуешься?.. (*Достаёт деньги из собственного кошелька.*)

Г а р м о н и с т (*смеётся*). Я знаю, графиня, как любите вы князя, как заботитесь о его престиже... Однако это дело касается лично господина Жан Баевича. Если он не желает, нельзя заставить.

Ш а к и р ж а н. У меня с собой нет, отдам, когда возьму в банке.

Ф е о д о с и я. Ты только чек подпиши, он сам возьмёт, сколько надо. (*Шакиржан после долгих колебаний нехотя ставит свою подпись.*)

Г а р м о н и с т (*Феодосии*). Сегодня вечером на том же месте.

Ф е о д о с и я. Да... И Вася тоже. (*Гармонист кивает. Шакиржан подаёт ему подписанный чек.*)

Г а р м о н и с т (*проверяет*). Ну хорошо, я в таком случае начну заниматься этим!..

Ш а к и р ж а н. Поспеши, пусть быстро будет... (*Часы играют музыку. Шакиржан вскакивает.*) Начинается время моего приёма. Принесите одеться.

Ф е о д о с и я. Займитесь ногтями, князь! В приличных домах ногти каждый день приводят в порядок. (*Слуге.*) Ступай, пусть маникюрши придут!

Входят несколько русских женщин. Шакиржан ложится на турецкий диван, две женщины с двух сторон принимаются ухаживать за его ногтями. Две другие занимаются ногами. Шакиржан лежит, покуривая сигару. Снова бьют часы.

Ш а к и р ж а н (*вскакивает*). Гаспадин Жан Баевич начинает приём. Вещи!.. (*Звонит в колокольчики, двое слуг вносят его одежду.*)

Ф е о д о с и я (*мМамакюришам*). Ждите меня, я сейчас, схожу только к себе в комнату.

Слуги одевают Шакиржана. Русские женщины выходят. Шакиржан надевает смокинг. Белый воротник, зелёный галстук. На ноги — остроносые лаковые туфли. Натягивает белые перчатки. Брызгает на себя духи. Надевает очки в золотой оправе. На шею вешает большой фотоаппарат. Втыкает в петлицу

большой красный цветок. Смотрится в зеркало. Входит Ф е о д о с и я, садится. Шакиржан, хромя в тесных башмаках, идёт к ней, ждёт одобрения.

Ф е о д о с и я. Хорошо, только голову держи выше! (*Шакиржан поднимает голову.*) Вот так! (*Протягивает ему руку для поцелуя, встаёт.*)

С л у г а. Графиня, что прикажите сегодня готовить?

Ф е о д о с и я. А сам-то ты как думаешь?

С л у г а. В календаре суп а ля тартюф, соус, майонез, шницель, голубцы, мороженое...

Ф е о д о с и я. Хорошо!

Ш а к и р ж а н. Да, да. Суп, мороженое. (*Сам себе.*) Ах, ещё бы тарелку пельменей! Как бы хорошо было, да ведь нельзя, неприлично это, не положено образованному человеку.

Ф е о д о с и я (*идёт к выходу*). Если меня будут спрашивать, проводишь сюда, и скажешь мне! (*Выходит.*)

Ш а к и р ж а н. Гаспадину Жан Баевичу пора вести приём. (*Садится на свой круглый стул, сучит ногами.*) Жмут, проклятые!

Р у с с к у и й с л у г а (*открывает дверь*). Господин Жан Баевич! (*Читает визитку, коверая слова на русский лад.*) «Альмударрис жамигыльфанун сахигельголюм мухаррир дагват альмуस्ताжаб». Подписчик газеты «Тарджеман», член «Чумной комиссии» Галяветдин аль-Жамали.

Шакиржан машет рукой: пусть войдёт. Входит м о л о д о й ч е л о в е к в феске, мусульманском шёлковом халате, при белом воротничке, жёлтом галстукe, обу́тый в мягкие ичиги.

Г а л я в е т д и н (*стоя в дверях, сгибается в подобострастном поклоне*). Глубокочтимый эфенде, кормилец, благодетель наш Жан Баевич!.. (*Шакиржан показывает на часы, велит закругляться. Галяветдин стихает, лба молчат, выпучив друг на друга глаза. Шакиржан нетерпеливо шевелит ногой. Галяветдин снова начинает говорить.*) Солнце нашей истории, луна нации нашей, звезда Тимерказык светлого нашего будущего, гаспадин Жан

Баевич... (*Шакиржан слушает, напыжившись, и снова показывает на часы, веля унять поток красноречия. Галяветдин снова замолкает. И опять молчат, глядя друг на друга. Через какое-то время гость снова обретает дар речи.*) Гаспадин Жан Баевич!..

Часы принимаются бить. Галяветдин затихает. Часы перестают стучать и тут же включаются другие — музыкальные, а за ними звенят третьи. Когда настает тишина:

Ш а к и р ж а н. Жан Баевич начинает свой приём! (*Важно надувается.*)

Г а л я в е т д и н. Глубокочтимый гаспадин Жан Баевич, эфенде мой, от имени тридцати миллионов мусульман поздравляю вас, уважаемый хазрат, с насаждением принципов образованной, прогрессивной жизни. Да здравствует гаспадин Жан Баевич, пусть процветает отсталая наша нация! (*Шакиржан задирает нос.*) Вы, гаспадин Жан Баевич, этими делами вашими, мой эфенде, стали примером для всего мира, для четырёмсот миллионов мусульман явились образцом... Турция, Кашгар, Хиндустан, Симбирск, Египет, Чистополь, Аравия, Тетюши — вся Европа смотрит на вас с завистью и восхищением. От имени четырёмсот миллионов мусульман я поздравляю вас с вашей прогрессивной образованной жизнью и желаю дальнейшего совершенствования, ещё большего прогресса! Эфенде мой, гаспадин Жан Баевич! Вы знаете, что в природе есть сила магнетизма...

Ш а к и р ж а н. Да, нам известно всё.

Г а л я в е т д и н (*продолжает*). Марс связан с Венерой силой магнетизма. Хотя между ними пустота, они поддерживают друг друга, не дают упасть, не дают укатиться. А вместе они освещают небо. Вот и вы, гаспадин Жан Баевич, вроде Марса на небе! А нация наша — это звезда Венера. Как Венера обожает Марса, так и нация наша в восторге от вас!..

Ш а к и р ж а н (*напустив на себя важности*). Да, да, так и есть.

Г а л я в е т д и н. Вот и я, маленький человек, служить вам, великому мудрому, дальновидному, прогрессивному, щедрому, считаю своим

национальным, религиозным, общественным, экономическим, литературным, политическим, торговым, нравственным, добросердечным долгом. Думаю, имя такого человека, как вы, заслуга должны быть вписаны в историю. Чтобы больше было таких, как вы, передовых и образованных джигитов, я открыл наивысшее медресе. Позвольте мне золотыми буквами написать на здании медресе ваше имя! *(Показывает записку. Прочитав её, Шакиржан смеётся, придя в благодушное настроение.)* Вот эти слова написать золотом на самом виду. В Думе есть место, где висят часы. Их видно отовсюду. Нам тоже позвольте вписать ваше имя так, чтобы видели и помнили всё — от мала до велика — и передавали из истории в историю, гаспадин Жан Баевич!

Ш а к и р ж а н *(довольный, кивает головой)*. Так вы, как в Думе, хотите написать моё имя на самом видном месте медресе? Ну что ж, это хорошо, очень даже хорошо будет. Можно ли возражать против такого прогрессивного желания? Это место, полагаю, и ночью будет освещено фонарём?

Г а л я в е т д и н. А как же? Электрический фонарь будет напоминать о Жан Баевиче каждому прохожему!..

Ш а к и р ж а н. Садитесь, эфенде мой, садитесь! Вы, как вижу, тоже очень образованный, прогрессивный человек.

Г а л я в е т д и н *(скромно потупился)*. Не дадите ли закурить? *(Сбрасывает халат, под которым оказался поношенный пиджак.)* Одежды эти долгое время тормозили продвижение к прогрессу... *(Закуривает сигару, которую дал ему Шакиржан.)* Нет ли у вас чего-нибудь выпить? В обществе такого умного, передового гаспадина хочется чувствовать себя настоящим человеком. Мы же задыхаемся в душной грубой татарской жизни!..

Ш а к и р ж а н. Есть, есть, мой эфенде! Я ведь, не зная, принял вас за фанПапака. *(Звонит.)*

Г а л я в е т д и н. Фанатик? Это я-то? Я по-настоящему образован и люблю выпить, когда не видит никто...

Ш а к и р ж а н *(вошедшему слуге)*. Принеси-ка выпить. *(Слуга выходит и возвращается с бутылкой.)*

Г а л я в е т д и н. Валлахи, я люблюсь вашей жизнью. Это мечта! Сами вы образованный, жена образованная... А мы несчастны, жена — татарка, едим всё татарское...

Ш а к и р ж а н . Да, да! Мы едим, как в Европе. Европейский суп, айскрем. (*Слуга наполняет бокалы.*)

Г а л я в е т д и н (*озирается по сторонам*). Надеюсь, тут нет никого посторонних? Народ наш любит сплетничать!..

Ш а к и р ж а н . Нет, нет! Гаспадин Жан Баевич с татарами дела не имеет. Его знакомцы — всё графья да князья... (*Выпивает.*)

Г а л я в е т д и н. Хорошо! Вот, гаспадин Жан Баевич, планы у нас такие. Имя ваше мы поместим высоко, на четвёртом этаже. На мраморной доске золотом намерены написать следующее: «Это медресе наивысшего мусульманского образования заложено уважаемым гаспадином Жан Баевичем».

Ш а к и р ж а н . Ага, ага, а ещё имя моё вы в историю вписать хотели.

Г а л я в е т д и н (*опрокинув в рот очередной бокал*). Ну да, и в историю...

Ш а к и р ж а н . А ещё...

Г а л я в е т д и н. Впишу вместе с Чингизханом, Аксак Тимером, Мамаем мирзой, Сююмбике.

Ш а к и р ж а н . А скажите, как впишете? Так вот и войду в историю? А там, в книгах наших, ещё хазрата Гумар есть, хазрата Гали, Саедбаттал-батыр. И я буллу там же, где они?

Г а л я в е т д и н. Точь-в-точь, где они! И будут такие слова: «Известен ещё один великий муж, звали его Жан Баевич». Так вот и напишу...

Ш а к и р ж а н . А на русском написать не забудете? Напишите: «Он был почётным членом вольной пожарной дружины».

Г а л я в е т д и н. Не забуду! Напишу обязательно...Вот только... медресе наивысшего мусульманского образов...Мамая ещё не готово. Памятную плиту пока некуда поместить. Народ наш, вы же знаете, тёмный. Уж вы, гаспадин Жан Баевич, одолжите немного денег, чтобы завершить строительство!

Ш а к и р ж а н. Да, да, дадим, дадим. За нами дело не станет. Сколько понадобится?

Г а л я в е т д и н. Нельзя же поместить ваше имя на маленькое здание, так что тысяч пять, думаю, будет довольно...

Ш а к и р ж а н. Пять тысяч, говоришь?! Я ведь думал, рубля три-четыре. Пять тысяч! *(Вскакивает.)* В вольной дружине мне за пятьсот рублей похвальный лист выдали, написанный золотыми буквами: «Гаспадину Жан Баевичу». Сам полицеймейстер руку приложил... А ты за пять тысяч собираешься вписать меня в какую-то татарскую книгу в один ряд с Абугалисиной да Сююмбикой! Нет, не выйдет!..

Г а л я в е т д и н. Нет, вы ошиблись, гаспадин Жан Баевич!..

Ш а к и р ж а н. Гаспадин Жан Баевич не ошибается! Он знает, что говорит. Ещё какое у вас ко мне дело? Я занятой человек, времени у меня мало.

Г а л я в е т д и н. Простите, простите. Это я ошибся. Аллах да поможет мне, разве вы можете ошибаться!

Ш а к и р ж а н *(смеётся)*. Вот так-то, теперь верно говоришь!..

Г а л я в е т д и н. В таком случае что же получается: имя ваше в историю не войдет? Молодое поколение не станет рассказывать и пересказывать из поколения в поколение: мол, был на свете человек по имени гаспадин Жан Баевич? Мне очень жаль! Прощайте! Оказывается, никакой вы не Жан Баевич, а всё ещё татарин безмозглый, Шакиржан Минлебаев сын. Прощайте! *(Идёт к выходу.)*

Ш а к и р ж а н. Нет, нет, эфенде! Вы ошибаетесь, Жан Баевич я! Я готов дать пятьсот рублей, только пусть имя моё будет в истории!

Г а л я в е т д и н. Нет, в историю войти не так-то просто! Я-то принял вас за прогрессивного, образованного человека, поверил вам. Вон Козёл Вели очень уж желает войти в историю, даёт и тысячу, и пять тысяч, а мы не берём его в историю, не допускаем!..

Ш а к и р ж а н. Говоришь, тысячу даёт? В таком случае я тоже согласен на шестьсот.

Г а л я в е т д и н (*останавливается*). Меньше тысячи не даёт никто.

Ш а к и р ж а н. Ладно, ладно, пусть будет тысяча!

Г а л я в е т д и н. Пожалуйте! (*Кланяется.*)

Ш а к и р ж а н (*вынимает кошелёк*). Оказывается, нет у меня мелочи. Но я дам, дам! Ты пока пиши историю-то. Дам, за мной не пропадёт. (*Галяветдин останавливается в раздумье.*)

С л у г а. Графиня!

Выходит Ф е о д о с и я. Галяветдин униженно кланяется. Она садится и протягивает ему для поцелуя руку.

Ш а к и р ж а н. Целуй руку, целуй!..

Г а л я в е т д и н (*подходит к Феодосии, целует руку*). Я поздравляю вас с новой жизнью!

Ф е о д о с и я (*кивает*). Ко мне прийти должны. Всё ещё нет никого?

С л у г а. Там торговец собаками ждёт вас.

Пока Галяветдин размышляет, уходить ему или остаться, входит р у с с к и й. За ним три разномастные собаки, большие и маленькие.

Р у с с к и й (*кивает*). Здравствуйте! Вот, графиня, привёл вам собак. Это чистокровные собаки, таких нет даже у самого губернатора. Вот эта (*показывает*) полноценная англичанка, из Лондона прибыла, а этот, диспакер, — настоящий француз, из породы собак самого Наполеона. Кличка, порода написаны в дипломе. (*Показывает бумагу.*) Ну а эта... О ней даже говорить не стану. Она из Египта, где в старину были фараоны. Собака осталось от них...

Г а л я в е т д и н. А! В таком случае это историческая собака кытмир, принадлежащая Асхабе кяхафа?

Ш а к и р ж а н. Да, да, во времена пророка Юсуфа. Эта точно из породы собак, принадлежавших фараонам.

Ф е о д о с и я (*указывает на одну из собак*). Мне вот эта понравилась.

Ш а к и р ж а н. Третья, что ли?.. Хорошая, хорошая! Только не загадит ли она дом? Может, лучше будет во дворе её держать?

Ф е о д о с и я. Что ты такое говоришь?! У графьев и князей собаки дома живут. Где же образованность-то твоя?

Р у с с к и й. Нет, нет! Это комнатная собачка, очень умная. (*Повернувшись к собаке фараонов.*) Видите, какие они красивые, настоящие.

Ф е о д о с и я. Эту я тоже возьму. (*Смотрит на оставшуюся.*) Князь, а эта тебе будет. Как смотришь? Тебе — подарок от меня!

Ш а к и р ж а н. Собака, что ли? Что мне с ней делать?

Ф е о д о с и я (*смеётся*). Что делать? Посадить к себе на колени. (*Дает поводок ему в руки. Шакиржан растерянно держит поводок. Феодосия смотрит на одну из собак.*) С этой хорошо будет прогуливаться по улице.

Р у с с к и й. Она как раз для того. Всё почтенные женщины Парижа, Берлина, Пскова гуляют с такими вот собаками. Очень модно это! Вы с ней хорошо будете смотреться.

Ф е о д о с и я. Князь, гони деньги!

Ш а к и р ж а н. Сколько это стоит?

Р у с с к и й. Вот эта — семьсот пятьдесят рублей!

Ш а к и р ж а н. Семьсот пятьдесят?!

Р у с с к и й. Да я ещё мало запрашиваю. Просто деньги нужны позарез! Пойду я! Мне ничего не стоит продать её за тысячу рублей... Эта — пятьсот рублей. Была ещё одна такая. Продал графу Шереметьеву. Взяли на племя за шесть сотен!.. Ну, а эту, так и быть, отдам вам по дешёвке — за триста пятьдесят!

Ш а к и р ж а н. Глупости говоришь! У нас щенок стоит три копейки серебром. Да я за сто рублей сто собак приведу...

Р у с с к и й. Приведёшь, да только дворняг. А эти породистые!.. И среди людей есть мурзы, графы!

Ш а к и р ж а н. Мы — граф!

Р у с с к и й. Князья бывают. Вот и собаки так же.

Ш а к и р ж а н. Дорого, очень дорого, нам не надо. И потом они пропадут.

Ф е о д о с и я. Как это, пропадут? А слуги на что?

Р у с с к и й. Нет, эти не пропадут, у них аттестаты, то бишь паспорта есть. На шею повесите медные жетоны с вашими именами. Если убегут, так их вернут вам.

Ш а к и р ж а н. У каждой на шее будет жетон, а на нём написано: Жан Баевича собака! Так что всё знать будут... Ладно, берём, всех!

Р у с с к и й. В таком разе пожалуйста деньги.

Ш а к и р ж а н. У меня мелочи нет. Придётся в другой раз.

Р у с с к и й. Дайте уж! Говорю ведь, мне деньги нужны. Что вам стоит?

Ф е о д о с и я. Напиши чек, имя твоё в банке знают.

Ш а к и р ж а н. Знают, говоришь?.. Знают!.. *(Пишет чек.)*

Г а л я в е т д и н. Интересно, в Уфе у нас знают ваше имя? А то и мне заодно напишите. *(Шакиржан смотрит на него, вытаращив глаза.)* Иначе не попадёте ведь в нашу историю.

Ш а к и р ж а н. Ладно, туда тоже надо попасть! *(Ему тоже подписывает чек.)*

С л у г а. Мулла Фахретдин!.. *(Галяветдин мгновенно надевает халат.)*

Ш а к и р ж а н. Пусть войдёт.

Появляется мулла из аула.

Му л л а. Ассаламе галейкум ве рахматулла ве баракатиху.

Г а л я в е т д и н. Ассаламе галейкем ве галя гийбадил-лахиссалихин.

Мулла идёт к Шакиржану, чтобы поздороваться. Феодосия суёт ему руку для поцелуя. Мулла в страхе шарахается от неё. Протягивает руки Шакиржану.

Ш а к и р ж а н (*бормочет себе под нос, брезгливо вытирая перчатки*). Вот бесстыжий, перчатки мне испачкал. Я жду графьёв, княгинь, а он тут, непрошенный, является!.. (*Громко.*) По какому делу?

Мулла садится, возносит руки в молитве. Галяветдин, когда мулла смотрит в его сторону, возносит руки тоже. А когда на него смотрит Шакиржан, передразнивает муллу. Шакиржан стоит в растерянности, не зная, как быть: воздевать руки или не воздевать. Он то поднимает руки, то опускает. Феодосия забавляется с собаками. Русский торговец собаками стоит, опустив голову.

М у л л а (*закончив молитву*). Да пошлёт вам Аллах долгую жизнь и много благ. Да поможет познать благодарность детей ваших. В день страшного суда и воскресения из мёртвых пусть с милостью пророка Галяйхиссаламе вместе с учеными и знатными людьми под знаменем святых посчастливится вам оказаться на месте последнего божьего суда среди ангелов! (*Проводит ладонями по лицу и замирает в этой позе. Пауза. Через некоторое время.*) Шакиржан-эфенде!

Ш а к и р ж а н. Меня зовут не Шакиржан, а гаспадин Жан Баевич!

Торговец собаками тихонько исчезает. Феодосия тоже уводит собак. Остаётся одна лишь собака — на руках Шакиржана.

М у л л а. Машалла, машалла. Так разве вы не сын Минлебая-абзы из нашего Алата?

Ш а к и р ж а н. Да, раньше я был сыном своего отца. Теперь я не признаю неприличные имена отсталых татар. Я стал сторонником прогресса... Я Жан Баевич!

М у л л а (*озадаченно*). Вон оно как!.. Пусть Аллах не лишает вас благочестия! Не лишает! Так вот каким вы стали! Эх, эх! (*Встаёт.*)

Ш а к и р ж а н. Не каким-то таким, а гаспадином Жан Баевичем!.. По какому делу?

М у л л а. Выходит, так! Значит, так! Перепрыгнули вы через плетень! Отреклись от веры. Русским Гараем стали? *(Собирает бумаги, которые начал было разворачивать.)* Аллах да убережёт нас от такой беды! *(Идёт к двери, ступая с опаской.)* Нет, нет! Никакого дела у меня к вам нет. Ошибся я по старости. Минлебай-абзы такой замечательный старик. А этот вот каким стал... *(Собирается уйти.)*

Ш а к и р ж а н. Чего ты там бормочешь, нахальный старик?

Г а л я в е т д и н. Нет, хазрат, вы не поняли, это уважаемый человек. *(Показывает на Шакиржана, тот задирает нос.)* Раньше он был Шакиржаном. Отец его, хазрат...

М у л л а. Отец его не был хазратом. Был мужиком из соседнего аула!

Г а л я в е т д и н. Имя отца Минлебай. Этот эфенде взял «Жан» от Шакиржана, отбросил «минле» от Минлебая и стал Жан Баевичем. Таким вот образом и получилось прогрессивное имя.

Ш а к и р ж а н. Ну да, получилось прогрессивное.

М у л л а *(приблизившись к Галяветдину)*. То ли плетень перемахнул, то ли уж с головой у него неладно? *(Отойдя в сторону, с чувством.)* Мать ваша из нашего аула была. Аул наш сгорел, сгорела и мечеть. Махалля у нас бедна, не может потянуть строительство. Мы пришли просить у вас помощи, сколько сможете. *(Снова принимается развёртывать свои бумаги.)*

Ш а к и р ж а н. Всё одно и то же — мечеть да намаз. Надо вперёд смотреть, хазрат! Развиваться, быть культурным, образованным! Ложись да вставай, ложись да вставай. И это дело! Развиваться надо, развиваться!

М у л л а. Нам мечеть нужна. Сгорела наша мечеть!

Ш а к и р ж а н *(глядя на Галяветдина)*. Вот и говори этому тёмному народу! Ты стремишься стать исторической личностью, а он тут со своей мечетью суётся!..

Г а л я в е т д и н. Сейчас вся Европа гимнастикой увлекается, она помогает циркуляции крови... Намаз — это та же гимнастика. Вот для чего нужна мечеть!

Ш а к и р ж а н. Бояре тоже делают гимнастику. (*Спускается со своего высокого места.*) Гимнастика очень полезна. Мы, Жан Баевич, тоже делаем гимнастику! (*Принимается размахивать руками.*)

М у л л а. Невежды! Намаз обязателен для каждого мусульманина!

Г а л я в е т д и н. Да, да, хазрат! Мухаммед-хазрат был великим доктором. Понимая пользу гимнастики, обязал каждого правоверного во время намаза делать глубокие поклоны.

М у л л а. Аллах да убережёт нас!.. Они смеют насмеяться над великим пророком! Бесстыдники проклятые!.. (*Снова собирает бумаги.*) Аллах накажет вас за это, накажет! (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Ш а к и р ж а н. Ну как с таким народом станешь исторической личностью!

Г а л я в е т д и н. Да уж, надо признать, муллы у нас необразованные. Вот для того мы и решили строить наивысшее наше медресе — чтобы избавиться от подобных мулл.

Ш а к и р ж а н. Это правильно, правильно. Намерения ваши верны.

Слуга вносит несколько русских газет. Отдаёт Шакиржану. Тот берёт одну и, повернув заголовком вниз, пытается «читать».

Г а л я в е т д и н. Что пишут в газетах, гаспадин Жан Баевич?

Ш а к и р ж а н (*увидев рекламу Зингера.*) Да вот, продают машины «Зингер» для шитья и вышивания.

Г а л я в е т д и н. Да, у европейцев в каждом доме есть такая машина. А мы только и знаем, что намаз, ураза, мечеть.

Ш а к и р ж а н. Невежество!..

Г а л я в е т д и н. Вы и в политике разбираетесь. А там что происходит?

Ш а к и р ж а н. Пишут: всё хорошо. Дела идут... Всё в порядке.

Г а л я в е т д и н. Пусть будет хорошо. А что пишут о Турции?

Ш а к и р ж а н. Всё отлично. Сказано, что некий турецкий паша одним ударом перебил семьдесят тысяч кяфиров...

Г а л я в е т д и н. Хорошо, хорошо. Дай-то Аллах! (*Бьют часы.*)

Ш а к и р ж а н. Мой эфенде, Жан Баевич прекращает приём.

Г а л я в е т д и н. Гаспадин Жан Баевич, я спешу, надо успеть поместить вас в историю. Ухожу, до свидания!.. (*Уходит.*)

Ш а к и р ж а н (*прохаживаясь в одиночестве по залу*). Был, говорят, на свете мужчина один, звали его Жан Баевич. Был он умный, был он образованный, был он сторонник прогресса. Был он почётный член общества «Вольный пожарный». Так и напишут в истории: «почётный». В самой истории! А не как-нибудь...

В дверь входит м а л ь ч и к со шляпными коробками, из-за которых не видно его головы.

Ш а к и р ж а н. Это ещё что такое?

С л у г а (*смеётся*). Это, барин, графине из магазина шляпы принесли. (*Мальчик сваливает коробки в кучу.*)

Ш а к и р ж а н (*удивлён*). Шляпы? И всё это шляпы?

М а л ь ч и к. Да!

Ф е о д о с и я (*появляется*). Чему ты удивляешься? Что это может быть ещё, как не шляпы? Графини и княгини не могут, как татарки, всю жизнь носить один и тот же калфак. А ты как думал?

Ш а к и р ж а н. Может, мы шляпный магазин открываем?

Ф е о д о с и я (*смеётся*). Шляпный магазин?! Ха-ха! Ты, князь, всё ещё не можешь забыть грубые привычки, которых нахватался на Сенном базаре. Раз уж общаешься со знатью, должен понимать, что одеваться следует по моде. Мальчик! У тебя есть с собой модный журнал? (*Мальчик достаёт журнал. Феодосия показывает его Шакиржану.*) Вот, всё эти шляпы из модного

журнала. *(Надевает большую шляпу, смотрится в зеркало.)* Ну, как, идёт мне, князь?

Ш а к и р ж а н. Идёт, идёт... Очень даже идёт!

Ф е о д о с и я *(надевает другую)*. Эта, похоже, маловата?

Ш а к и р ж а н. Точно по твоей голове: не мала и не велика.

Ф е о д о с и я *(надевает ещё одну)*. Эта тоже к лицу мне!

Ш а к и р ж а н. Но... *(Показывает на шляпу.)* Ты ведь выбрала одну. Зачем же ещё и эта?

Ф е о д о с и я *(смеётся)*. Где ты видел графиню с одной шляпой? *(Не прекращает менять шляпы. Примеряет восемь или девять шляп. Мальчику.)* Я беру всё!

Ш а к и р ж а н. Всё берёшь?

Ф е о д о с и я. Всё

Ш а к и р ж а н *(шесть коробок отдаёт мальчику)*. Возьми это, скажи, что графине не понравилось. *(Нагромождаёт коробки на мальчика.)*

Ф е о д о с и я. Ты что делаешь, князь? *(Мальчику.)* Верни, я беру всё. Если из Парижа поступят новые шляпы по последней моде, принесёшь. *(Даёт мальчику чаевые.)*

Ш а к и р ж а н. А с этими что станешь делать, ведь их целый десяток здесь?

Ф е о д о с и я. Ты не понимаешь, князь! Вот эту надену в субботу. Эту, более открытую, — в воскресенье. Вот эта более серьёзная. Её надену в понедельник. Эту, меланхоличную, буду носить по вторникам; эту — по средам. Эту — в четверг, а эту — по пятницам...

Ш а к и р ж а н *(показывает на оставшиеся пять шляп)*. Ну, а с этими что будешь делать?

Ф е о д о с и я. Эту буду носить по вечерам; эту — в театр; эту — когда пойду смотреть лошадиные бега, эту — по настроению. *(Мальчик смотрит, застыв на месте. Мальчику.)* Иди. Скажи, что я велела приносить новые!

М а л ь ч и к *(протягивает бумагу)*. Велели принести столько денег....

Ф е о д о с и я. Оплати, князь! (*Мальчик протягивает счёт Шакиржану.*)

Ш а к и р ж а н. Восемьсот рублей!!!

Ф е о д о с и я (*смеётся*). Подумаешь, восемьсот рублей! Нашёл, чему удивляться.

Ш а к и р ж а н. Нет!.. Нет у меня денег! (*Мальчику.*) Забирай свои шляпы. Скажешь, что нам не надо. Что шляп у нас много» (*Снова нагружает мальчика коробками.*)

Ф е о д о с и я (*мальчику*). Оставь! Скажи, что графиня обещала прийти и заплатить! (*Смотрит на Шакиржана.*) Этот нахал унижает меня в присутствии мальчика из магазина!

М а л ь ч и к. Нет, барыня, без денег не велено оставлять.

Ф е о д о с и я (*принимается плакать*). Он унизил меня при мальчике, он оскорбил меня!..

Ш а к и р ж а н (*растерянно*). Почему унизил, говорю же, нет у меня денег... Денег нет!..

Ф е о д о с и я (*продолжает плакать*). Прощай, князь, мы не можем быть вместе. Вы грубый, невоспитанный... Я — графиня! Я не могу терпеть такого позора... Ах!.. Ах!.. (*Кричит. Прибегает русская служанка, подает воду. Шакиржан стоит, не зная, что делать.*) Боже, как я несчастна, как обижена, меня не уважают! Я, графиня, полюбила его, несмотря на то, что он обычный грубый татарин, вышла за него замуж... Он не понимает, не ценит этого... Я — графиня! А ты кто такой?! (*Продолжает плакать.*)

Ш а к и р ж а н. Ладно, ладно, согласен. На, возьми! (*Вынимает кошелек, ищет в нём деньги и не находит. Мальчику.*) Скажи, что сам приду и оплачу!

М а л ь ч и к. Без денег не велено, барин!

Ф е о д о с и я. Чек подпиши, чек! (*Шакиржан подписывает чек и отдаёт мальчику, стоит потерянный.*) Ох, сердце... Ох, сердце! Доктора зовите...

Ш а к и р ж а н. Ну, будет, будет, успокойся... Вот же они, шляпы твои, на каждый день по шляпе и на субботу, и на воскресенье. Чего же ещё-то?

Ф е о д о с и я. Ладно у тебя, князь, сердце здоровое. Я же люблю тебя.
(Протягивает руку для поцелуя. Шакиржан целует.)

С л у г а. Пришёл учитель бокса.

Ф е о д о с и я. Позоришь меня при людях, как же я покажусь с такими глазами! (Уходит.)

У ч и т е л ь б о к с а (входит). Как здоровье, господин Жан Баевич? Вижу, вы ещё не одеты для бокса.

Ш а к и р ж а н. Я сейчас!.. Сейчас!..

У ч и т е л ь б о к с а. Знаете, лишнего времени у меня нет. Вот только что от графьёв Шереметьевых. А после вас пойду к Баратынским. (Шакиржан уходит за занавес.) Мы, американцы, ждать не привыкли.

Ш а к и р ж а н. Вы что же, прямо из Америки?

У ч и т е л ь б о к с а. Да, прямо! Прямее не бывает.

Ш а к и р ж а н. Я слышал, там люди в резиновых калошах ходят?

У ч и т е л ь б о к с а. Это почему же?

Ш а к и р ж а н. Здесь это американскими калошами называется.

У ч и т е л ь б о к с а. Ну, да,

Ш а к и р ж а н. А по-американски как это будет?

У ч и т е л ь б о к с а. Мужские называются калоши-дер, а женские — калоши-дие.

Ш а к и р ж а н. Вот ведь что образованность значит. А у нас, татар, что мужские, что женские — всё одно: кавуши. Ох, какие же мы отсталые!
(Выходит в спортивной одежде.)

У ч и т е л ь б о к с а (надевает боксёрские перчатки, на голову —кепи). Сначала нападать буду я, а вы не позволяйте бить. А потом вы... Ну, начинаем!.. Раз, два, три. (Нападает на Шакиржана, тот попеременно машет кулаками. Боксёр бьёт, Шакиржан отлетает и падает.) Вставайте! (Боксёр снова нападает и сбивает Шакиржана с ног. Помогает подняться и опять сбивает. Остановившись, предлагает.) Теперь вы. (Шакиржан делает выпад, боксёр тычком сбивает его с ног. Шакиржан летит на пол.) Давайте

ещё разок! (*Шакиржан нападает, но боксёр сбрасывает его на пол.*) Ещё раз, ещё!

Шакиржан. Может, хватит уже?

Учитель бокса. Ещё раз, ещё! (*Шакиржан нападает, но боксёр сбивает его.*)

Шакиржан (*лежит*). Может, довольно всё же? Хватит... Я заплачу, валлахи, отдам деньги!..

Учитель бокса. Шабаш, кончили! (*Вынимает из кармана блокнот, пишет в нём что-то и даёт Шакиржану.*)

Шакиржан. Что это?

Учитель бокса. Счёт... За мои три нападения по три рубля, ваши три по два; шесть рублей. Да штрафные десять.

Шакиржан. Вон оно что, вон что! Достает кошелек, подаёт деньги.

Учитель бокса. Вы, господин Жан Баевич, сильно преуспели в боксе. А ведь всего два урока получили. Вы стали неузнаваемы. Из вас хороший боксёр получится... (*Показывает журнал.*) Вот, всё эти люди боксёры. Известные на весь мир: Монтиун, де Валери...

Шакиржан. Меня что же, тоже в журнале напечатают?

Учитель бокса. Напечатают, напечатают!

Шакиржан. И подпишут: «Жан Баевич»?

Учитель бокса. Подпишут, подпишут! До свидания. Завтра встретимся... (*Уходит.*)

Шакиржан (*один*). До чего образованны эти американцы. Даже в калушах мужчин отделяют от женщин: калуш-дер и калуш-дие. А мы дикие...

Феодосия (*входит, с ней русская женщина*). А мы, князь, пришли за вами. Пошли солнечные ванны принимать! Вы всё ещё не одеты! Ждём. (*Шакиржан целует руку второй женщине и с интересом смотрит на неё исподлобья.*)

Шакиржан. Я очень голоден. Обедать не будем, что ли?

Ф е о д о с и я . Да где же это ты видел, чтобы графья да князья раньше четырёх часов пообедали? Только рядовой мурза обедает в час дня.

Ш а к и р ж а н (*глотает слюну*). Уж не заделаться ли нам тоже рядовым мурзой?!

Ф е о д о с и я . Ну и скажешь тоже! Поторопись, князь, мы ждём тебя. (*Шакиржан идёт переодеваться в другую комнату.*)

В т о р а я ж е н щ и н а . Дела-то как идут? Ладно, что ли?

Ф е о д о с и я . Всё идёт как по маслу. (*Показывает шляпы.*) Вот, сегодня купила.

В т о р а я ж е н щ и н а (*примеряет*). Хорошая. Но почему их так много?

Ф е о д о с и я . Решила: возьму, пока дают. Если нравится, можешь взять несколько штук себе.

В т о р а я ж е н щ и н а . Спасибо, возьму.

Появляется Шакиржан в купальном костюме. Женщины подхватывают его с двух сторон и идут к выходу.

В т о р а я ж е н щ и н а . Ну вот, князь, ты теперь настоящим образованным человеком стал.

Ш а к и р ж а н . Так, так, спасибо!..

С л у г а (*входит*). Графине из магазина одежду доставили.

Ш а к и р ж а н . Какие же это графья и графини в два часа дня одеждой занимаются? Сейчас время принимать солнечные ванны. Скажи, что хозяевам некогда.

Ф е о д о с и я . Пусть придут позднее!

Ш а к и р ж а н (*взяв под руки обеих женщин*). Вот каков абзы! Целых две с двух сторон! Вот он, прогресс-то, какой бывает! Вот она, образованность!..

Идут к двери. Граммофон играет марш.

Занавес.

Действие четвертое

Та же комната. Ш а к и р ж а н сидит на высоком своём месте. Ф е о д о с и я — на диване.

Ф е о д о с и я. Мне нельзя не ехать в Крым. Я больна. Мне лечиться надо, кроме того, я — графиня!.. Где ты видел графиню, которая всё лето сидела бы в городе?

Ш а к и р ж а н Денег нет... Кончились мои деньги!..

Ф е о д о с и я. Если мало денег, зачем же ты на графине-то женился? Надо было жениться на татарке, такой же, как сам!.. Поеду в Крым. Я умру здесь... Ты не жалеешь меня, хочешь опозорить. *(Плачет.)*

Ш а к и р ж а н *(подходит к Феодосии)*. Нет, говорю, у меня денег, пойми, наконец. *(Открывает кошелёк, показывает.)*

Ф е о д о с и я. Напиши чек, всёго-то!

Ш а к и р ж а н. И с чеком не дадут, не дадут! Кончились в банке деньги!..

Ф е о д о с и я. Тогда давай заложим дом... Я же сохну! Погибаю!.. Умираю!.. Не любишь ты меня! *(Снова принимается плакать.)*

Ш а к и р ж а н. Заложено дом, и не раз—два раза заложено!.. Нет у меня денег! И долгов — выше крыши...

Ф е о д о с и я *(плачет)*. Какой позор! Я стала посмешищем!..

Под дверью поднимается непонятный шум, возня. Дверь распахивается.

Слуга пытается удержать п р и к а з ч и к а, который бесцеремонно ломится в комнату.

С л у г а. Говорят тебе, нельзя, время приёма не пришло ещё!

П р и к а з ч и к. Плевать я хотел на ваши порядки! Мне деньги мои нужны, деньги!.. Я своё требую! *(Феодосия быстро вытирает глаза и*

протягивает приказчику руку для поцелуя. Приказчик грубо отталкивает её руку и подходит к Шакиржану.) До каких пор будете кормить меня обещаниями?! Сегодня — завтра, завтра — вечером, вечером — завтра!.. Сколько ещё я могу ждать?!

Ш а к и р ж а н (*показывает на часы*). Приёмное время гаспадина Жан Баевича — одиннадцать. Ровно в одиннадцать! Если есть у тебя дело, тогда и приходи!

П р и к а з ч и к. Плевать мне на твоё время приёма! Мне деньги нужны! Понимаешь ты?! Я их в поте лица заработал... Для того, что ли, старался, чтобы кормить таких паразитов, как ты?.. Отдавай деньги!..

Ш а к и р ж а н. Поговорим, когда наступит время приёма, а сейчас выйди из моего дома.

П р и к а з ч и к (*стучит кулаком по столу*). Никуда я не пойду, пока не получу свои деньги! Плевать мне на твои слова! Отдавай деньги!..

Ф е о д о с и я. Это что за бесстыдство! Где ты видел, чтобы у князьёв, графьёв так спрашивали деньги?..

Ш а к и р ж а н. Необразованный!

П р и к а з ч и к. Плевать мне на твою образованность!.. Деньги гони! (*Вынимает бумаги.*) Три месяца ел,пил на мои деньги. Это же целых три месяца! И не заплатил ни копейки! Валлахи, заплачешь с горя!.. Отдавай мои деньги!

Ш а к и р ж а н (*звонит. Является слуга*). Выведи этого господина! Мы в это время по-семейному сидим вдвоём с графиней. Пусть являются в часы приёма.

С л у г а (*подходит в приказчику*). Пойдёмте, пойдёмте! Время придёт, всё получите. Пойдёмте!

П р и к а з ч и к. Это ты — мне?! Да я с места не сдвинусь, пока не получу своё — всё, до последней копейки! (*Слуга пытается тащить приказчика, тот отбивается, идёт к Шакиржану, стучит кулаком по столу.*) Отдавай по-хорошему, паразит! Отдавай! Не то хуже будет! Пожалеешь ведь!

Ш а к и р ж а н. Нет у меня денег, нет!..

П р и к а з ч и к. А если нет, товар зачем берёшь?

Ш а к и р ж а н. Раньше были, теперь кончились!

П р и к а з ч и к. Как дело до меня доходит, так уж и отдавать нечего!

Вон часы у тебя, отдай их мне!

Ф е о д о с и я. Где это видано, чтобы графья и князья фамильные часы приказчикам раздавали?

Приказчик видит на столе серебряную посуду и принимается собирать её.

С л у г а. Что ты делаешь? Это же грабёж!

П р и к а з ч и к. А то, что они вытворяют, — не грабёж?! (*Рассовывает вещи по карманам.*) Отдашь деньги — заберёшь своё!

Ш а к и р ж а н. Разбойник необразованный!..

П р и к а з ч и к. Плевать мне! Ты только прикидываешься образованным!..

Ф е о д о с и я. Комплект нарушается, их же двенадцать штук!

П р и к а з ч и к. Комплект денег моих тоже нарушается! Принёсите деньги — получите назад!.. (*Оставляет счета и уходит.*)

Ш а к и р ж а н и Ф е о д о с и я (*нападают на слугу*). С какой стати ты выпускаешь этого пьяницу? Морочишь нам голову, не дождавшись времени?

С л у г а. Да я уж его не впускал один раз, второй. Он ждал, ждал и разозлился, силой ворвался.

Входит м о л о д о й ч е л о в е к и кланяется.

Ш а к и р ж а н (*заметив его*). Гаспадин Жан Баевич пока не принимает!

М о л о д о й ч е л о в е к. Я не от себя, — из магазина одежды. Оплатите счета, и я уйду!

Ш а к и р ж а н (*срывается на крик*). Тебе же объясняю: время приёма в одиннадцать! Понимаешь?

Молодой человек. Очень даже понимаю. Этот урок я уже получил! Я целую неделю жду вашего приёма. Так что знаю, что это такое. Я не от себя, верни деньги, — и я свободен буду, и вы спокойны!

Шакиржан. Нет у меня денег, кончились!

Молодой человек. Ничего не знаю, мне деньги нужны. Понимаете, господин, — деньги! (*Показывает счета.*) Вот по этим счетам три тысячи восемьсот рублей!

Феодосия. Что за наглость, нельзя разве подождать?

Молодой человек. Ждали уже, больше не можем. (*К Феодосии.*) Пожалуйста деньги!

Шакиржан. Говорю же, нет!

Молодой человек. Вот как!.. В таком случае верните вещи, которые получили в нашем магазине! Ладно, так и быть, если надевали — прощаем! Каракулевый сак, жакет на лисьем меху, женское пальто!

Феодосия. Да где же это видано, чтобы графиня возвращала в магазин вещи! Такого не бывало ещё! Вы необразованный человек!

Молодой человек. Это верно, образования мы не получили. Но дело не в этом... Верните деньги!

Шакиржан. Нет у нас ничего!

Молодой человек. Не обижайтесь, я всё равно получу их. У нас есть адвокат, мы своё получим! (*Увидев каракулевый сак, забирает его.*) Вот то, что нужно. Здесь и бирка наша.

Феодосия (*ухвПанавшись за сак, тащит на себя*). Так вот и отдала я тебе мой сак! (*Борются. Не уступают друг другу.*)

Дверь открывается, входят молоденькая швеея, мальчик, двое русских мужчин. У всех в руках счета. Молодой человек с сакom в руках.

Швеея (*подходит к Феодосии*). Барыня, барыня! Пожалуйста, заплатите мне за работу. Хозяйка замучила меня: почему, говорит, без денег вернулась? Если сегодня же не принесёшь деньги, прогоню, говорит! Хочет забрать

месячный мой заработок. У меня на руках мать-старушка и маленькая сестрёнка. Прошу вас, пожалуйста, выручите меня, верните деньги! *(Плачет.)*

Ф е о д о с и я. Приходи в приёмные часы!

М у ж ч и н ы *(обступили Шакиржана)*. Извольте заплатить по счетам!

Ш в е я *(плача, идёт к Шакиржану)*. Пожалуйста, мой эфенде, заплатите, ведь я останусь на улице, пожалуйста!.. *(Плачет.)*

Ш а к и р ж а н. Нет у меня денег, кончились!.. Не могу заплатить... Я разорён!.. Я банкрот! Банкрот я!!!

М я с н и к. Когда ел курицу, индюшку, банкротом не был! А сегодня банкрот? Нет, ты у меня всё, что съел, назад вывалишь! Индюшки мои живьём вылезут! *(Засучивает рукава.)* Ну, говори, отдашь деньги или нет?

Ш а к и р ж а н. Нет у меня денег!..

М я с н и к. В таком разе, отдавай пианино! Мне пригодится, дочки растут.

Ш а к и р ж а н. У меня тут не базар... Не продаю я!..

Ф е о д о с и я. Какой нахал! Какие графья, какие князья пианино отдавали?

М я с н и к. Ах так! Не даёшь?.. *(Держит Шакиржана за воротник и начинает дубасить.)* Всё хватайте что-нибудь в счёт своих денег! *(Люди начинают растаскивать вещи. Швея обнимает граммофон. Феодосия поднимает крик. Вбегают слуги.)* Вы тоже берите всё, от этого жмота не получите ни гроша!

Слуги тоже бросаются грабить. Люди дерутся, ссорятся. В этот момент, в дверях появляется судебный пристав, с ним два человека и Х а й м С о л о м о н о в и ч.

П р и с т а в. Судебный пристав! *(Кивает, здороваясь. Нагруженный вещами народ замирает на месте.)* Это вы — господин Жан Баевич?

Ш а к и р ж а н. Да, я!

П р и с т а в. На основании иска Хайма Соломоновича мы явились, чтобы описать ваше имущество. Если выплатите долг теперь же, мы описывать не станем!..

Х а й м. Простите, господин Жан Баевич, за беспокойство. Если вернете мне мои деньги, вот дверь — как вошёл, так и выйду. Хайм скандала не хочет.

Ш а к и р ж а н. Нет у меня денег. Немного подождите.

П р и с т а в (*еврею*). Что скажете?

Х а й м. Мы подождём, подождём! Хайм Соломонович ждать умеет... Ждал год целый, так почему бы ещё месяца три не подождать! Но, господин пристав, если просто так запишете на меня вещь, которой будет достаточно, чтобы покрыть долг, я готов ждать ещё! Вы, господин Жан Баевич, не принимайте слова мои близко к сердцу. Не для того, чтобы продать, а чтобы лишь деньги не пропали!..

Ф е о д о с и я. Да как же вам не стыдно! Я сколько вещей покупала у вас, сколько денег дала!.. А вы ради двух-трёх тысяч такой шум поднимаете. Где вы видели таких графьёв и князьёв, у которых приставы имущество описывали бы?

Х а й м. Простите, графиня! Простите! Я не ради скандала, а чтобы не пропали деньги, прошу. Приступайте, господин пристав!

П р и с т а в. Что вы хотите описать?

Х а й м (*мечется по комнате*). Вот, пианино.

М я с н и к. Пианино я уже взял. Мне за мясо три месяца не платили.

Х а й м. Возьмёте, возьмёте, я только запишу!..

П р и с т а в. Рублей триста!

М я с н и к. Я возьму за пятьсот!

Х а й м. Запишите пятьсот. Пятьсот, господин пристав. Путь этот господин не обижается! (*Смотрит на зеркало.*) Вот это зеркало! (*Меряет зеркало, тычет пальцами.*) Пусть будет триста!.. (*Еврей всё время глазами ищет что-то.*)

Ф е о д о с и я. Да как же пианино пятьсот? Я сама покупала его за три тысячи четыреста!..

Х а й м. Ну а я, графиня, снова возвращаю его вам за пятьсот. Всёго лишь за пятьсот! Вам выгодно, и я денежки свои верну. (*Осматривает письменный стол Шакиржана.*) Встаньте-ка, прошу вас, господин Жан Баевич! (*Заглядывает под стол, сгибаясь в три погибели.*) Вот стол, триста рублей... (*Народ начинает громко разговаривать.*)

П р и с т а в. Тихо, не шумите!

Х а й м (*осмотрев всё, подходит к дивану, на котором сидит Феодосия*). Простите, графиня! (*Поднимает её.*) Я только посмотрю и попрошу записать. Садитесь, пожалуйста, пусть удобно вам будет!

П р и с т а в. Сколько?

Х а й м. Четыреста. (*Глядит на ковёр.*) Это бухарский или иранский, господин Жан Баевич?

Ш а к и р ж а н. Я не знаю.. (*Подходят русские, смотрят.*)

О д и н. По-моему восточный!..

Х а й м. Так. Восточный работы! (*Трогает ковёр, поплевав на носовой платок, проводит по нему.*) Пишите, господин пристав, пятьсот рублей!

П р и с т а в (*пишет*). Ещё что?

Х а й м. Вот стол со стульями. Господин Жан Баевич, стульев двенадцать?

Ш а к и р ж а н. Двенадцать.

Х а й м. Потом книжный шкаф, шторы на окнах, занавес на дверях — всё вместе пятьсот рублей.

П р и с т а в. Ещё?

Х а й м. Я доволен. Всё, господин пристав. Простите, что нагрузил вас работой! И вы простите, господин Жан Баевич! Простите, графиня! Я ведь не сатана какой-нибудь, стараюсь только ради успокоения души!.. Я человек маленький, не хочу ссориться с вами. Как только вернёте деньги, всё для вас кончится! (*Пристав с зажжённой свечой ходит по комнате и ставит на*

мебели пачПапа.) У меня, знаете ли вы, трое детей!.. Они хотят есть, им нужна одежда!.. Простите!

М я с н и к (приставу). Я тоже должен вернуть долг!

З а н и м в с е о с т а л ь н ы е. Господин пристав, мне он тоже должен, для меня тоже опишите!.. И мне должен, и для меня опишите!

Ш в е я. Господин пристав, я швея, работаю на хозяйку. Пожалуйста, верните мои деньги! Хозяйка грозитя выгнать меня с работы. У меня старая мать, сестрёнка маленькая... Я пропаду, господин пристав! (Плачет.)

П р и с т а в (показывает бумагу). Принесёте вот такую бумагу — чек, я готов помочь. А просто так не могу!

Открывается дверь. Входят старик М и н л е б а й со своей с т а р у х о й в крестьянской одежде. В руках у старика посох.

М и н л е б а й. Здесь что ли, живёт грешник этот, проклятый Аллахом? Мозги у него совсём свихнулись! (Подходит к Шакиржану.) Как не стыдно тебе землю родную, мать с отцом позорить?! Тьфу. Окаянный!..

С т а р у х а. Что же с тобой случилось, почему так изменился? Не иначе, как святые прокляли тебя! (Плачет.) Неужели вере нашей изменил, за забор прыгнуть решился?

Ш а к и р ж а н (сильно взволнованный). Папа, мама!.. Отец, мама!.. Валлахи, нет! Валлахи, нет!

М и н л е б а й. Чего ты врёшь?.. А это что?.. Бесстыжий! (Показывает на портрет Шакиржана и лупит сына палкой.)

Ш а к и р ж а н. Алла! Алла!

М и н л е б а й. Ага! Аллаха вспомнил?! (Продолжает лупить.)

С т а р у х а (подходит). Хватит, старый, хватит!

М и н л е б а й. Я покажу тебе, как сигать за забор!

Ш а к и р ж а н. Валлахи, не сигал я!.. Я всёго лишь прогрессивным быть старался!

Ф е о д о с и я (*подходит*). Какая дикость!.. Когда вы видели, чтобы графьёв и князьёв, как сидоровых коз, лупили! (*Хочет остановить Минлебая.*)

М и н л е б а й (*обернувшись*). Это ещё кто такая? Ах ты негодница! Так это ты баба его? Ты?

Ф е о д о с и я. Я графиня!

М и н л е б а й. Ты — графиня?! (*Начинает обхаживать её палкой. Женщина кричит.*)

Н а р о д (*приближается*). Хватит, хватит бабай!

М и н л е б а й. А чего она нашу веру порочит! Она же издевается над исламом!

Ш а к и р ж а н. Нет, папа, нет! Валлахи! (*Старик снова принимается лупить сына.*)

Н а р о д. Хватит, бабай, хватит уже!

М и н л е б а й. Как можете вы мешать мне? Я — в своём доме, могу делать, что хочу! Я три года старшиной был! Это — мой баранчук!

С т а р у х а. Идёт к Шакиржану, спасает его из рук отца.

Ш а к и р ж а н. Я раскаиваюсь! Валлахи, раскаиваюсь... Вернулся, вернулся в свою веру! Вернулся!

М и н л е б а й (*ругается, идёт на Шакиржана с поднятой палкой*). Убью я тебя, мордар! Признавайся, отступился от веры?!

Ш а к и р ж а н. Валлахи, папа, не отступился! Я так только, образованным был!.. Только культурным был!.. Лишь сторонником прогресса!.. Я раскаялся, папа, раскаялся уже!

М и н л е б а й. Давай, говори иман!

С т а р у х а. Да не мучай ты его при всём народе!

Ш а к и р ж а н. Скажу, скажу! Ля илахи илля Аллахе! Ля илахе илля Аллахе!

Входят околоточный и двое городских. Еврей тихонько исчезает.

Околоточный. Что здесь за сборище такое? Разрешение в полиции брали?

Пристав. Я тут описал вещи для Хайма Соломоновича.

Околоточный. А эти кто?

Мясник. Мы деньги одалживали, господин околоточный. Не отдают деньги за мясо, за целых три месяца.

Швея. Господин околоточный! Я швея, хозяйка хочет выгнать меня на улицу... Верни мне, пожалуйста, мои деньги! *(Плачет.)*

Околоточный. Молчать! *(Феодосия пыталась незаметно уйти и не успела. Один полицейский встал в дверях. Околоточный. смотрит на Шакиржана.)* Хозяин квартиры вы?

Шакиржан *(избитый)*. Раньше был я!.. Я! *(Дрожит, как в лихорадке.)*

Околоточный. Крестьянка Феодосия Иванова из деревни Каравай Казанской губернии здесь проживает?

Шакиржан. Нет, такого человека здесь нет.

Околоточный *(показывает на Феодосию.)* А это кто?

Шакиржан. Это? Эта... эта... раньше была графиней!

Феодосия. Я — графиня.

Один полицейский. И давно графиней-то стала? Когда жила в пивной на Булаке, была крестьянкой.

Феодосия. Вы издеваетесь!.. Графиня я!

Околоточный. Извольте паспорт!

Феодосия. Где вы видели таких графьёв и князьёв, которые носят при себе паспорт? Наше имя в казённой книге золотыми буквами напечатано. Нет со мной паспорта. *(Шакиржану.)* Он не у тебя случайно?

Шакиржан. Не знаю, я не видел.

Полицейский. Да она это! Знаю я её!

Околоточный. Ты в пивной на Булаке работала?

Ф е о д о с и я. Я? Нет! Где вы видели графьёв и князьёв, которые работают в пивной?

О к о л о т о ч н ы й. Говори правду, не то плохи твои дела!

Ф е о д о с и я (*плачущим голосом*). Да жила... одно время... бедной была... Я — графиня. (*Бросается к Шакиржану.*) Князь, спаси меня, спаси!

Эти хотят повесить на меня вину! (*Минлебай грубо отшвыривает её.*)

О к о л о т о ч н ы й. У хозяина пивной ты украла браслет. Вы арестованы!

Ш а к и р ж а н (*подходит в Феодосии*). Разве ты не графиня? Нет? Тьфу, обманщица! Как же ты меня, гаспадина Жан Баевича... (*Смотрит на отца.*) Нет, не так!.. Меня, Шакиржана сына Минлебая обманула? За что?!

М и н л е б а й (*подойдя к Феодосии*). Так ты дочь пастуха Ивана из деревни Каравай?

Ф е о д о с и я (*плаксивым голосом*). Да!..

Н а р о д (*громко хохочет*). Вот так графиня!

Ш а к и р ж а н. Но с какой же такой стати ты графинею-то заделалась?

Ф е о д о с и я. А ты с какой стати князь? Ты ведь тоже мужик из аула! (*Народ снова потешается.*)

О к о л о т о ч н ы й (*Феодосии*). Одевайся, айда в полицию, там посмотрят.

Феодосия одевается. Тут в дверях появляется С а х и п ж а м а л, держа её за руки. Увидев народ, она растерялась.

Д е т и (*бегут к Шакиржану*). Папа! Папа! (*Вешаются на него.*)

А н в а р. Папа, мы за тобой пришли, у нас весело! Мама перемячи пожарит!..

Ш а к и р ж а н (*растерянно*). Сахипжамал, ты ли это? Ты ли? Избавь меня от этой беды, избавь!..

С а х и п ж а м а л (*подаёт ему сумку*). Вот, одеться тебе принесла... Много ты покуролесил, пора остепениться! Давай переоденься и пойдём домой!

Д е т и. Пойдём домой, папа!.. Пойдём, пойдём!.. Скорее!

Ш а к и р ж а н (*торопливо надевает свою выдровую шубу, решительно водружает на голову шапку.*) Скорей, скорей пойдёмте! Скорей! Прочь отсюда!

М и н л е б а й (*подходит к Феодосии*). Проклятая, пропади ты пропадом! (*Народ медленно расходится, выносит вещи, которыми успел завладеть в счёт долгов.*)

Ш а к и р ж а н. Сколько добра пустил на ветер, поверив этой чертовке, сколько денег!.. Я ведь и в самом деле думал, что стал сторонником прогресса!.. Так надеялся попасть в историю!..

С а х и п ж а м а л. Ладно уж! Главное, голова уцелела. А добро — дело наживное. Пошли скорее домой!..

Ш а к и р ж а н. Верну себе свой старый магазин на толкучке. Снова старьём торговать стану... Мы ещё заживём!

М и н л е б а й. Главное, забор не перемахнуть, — а остальное наладится!..

Ш а к и р ж а н. Не перемахнул я, не перемахнул, папа! Я правду говорю, Валлахи!

Торопливо вбегает г а р м о н и с т с большой книгой в золоченой обложке под мышкой.

Г а р м о н и с т. Господин Жан Баевич, я добился: вы попали в книгу вместе с царями! (*Вручает фолиант Шакиржану.*)

Ш а к и р ж а н (*изумлённый от неожиданности, замирает на месте, потом, взяв себя в руки, говорит*). А ты знаешь, я ведь Шакиржан сын Минлебая? И в толк не возьму, о каком это Жан Баевиче ты говоришь. Я сроду не видел такого и не слышал даже. Именем Шакиржан меня мулла нарёк. Как смеешь ты называть меня русским именем, измываться над нашей верой?! (*Бьёт кулаком по столу. Швырнув книгу на пол, наступает на гармониста с*

кулаками. Минлебай тоже угрожающе поднимает свою палку. Сахипжамал удерживает Шакиржана, старуха —старика. Дети тоже не пускают их.)

Занавес.

Берлин, 1923 год